Любовь в эпоху коронавируса, или Ириска на двоих

Автор:
Ашира Хаан

Ириска на двоих

Ашира Хаан

Секс – это скучно. Чуть-чуть приятно и довольно суетно. Но без него вполне можно обойтись. Как и в принципе без людей. Мне хватает и виртуального общения. Так я решила однажды и была вполне спокойна и счастлива до момента, пока на мир не обрушилась пандемия. Застрять на Кипре во время карантина на самом деле не так уж и страшно. В пустом курортном городе, где все обходят друг друга за два метра, море набегает тяжелыми волнами на берег, как тысячи лет до этого и обещает, что все однажды пройдет. Но мое тревожное одиночество нарушили двое наглецов, у каждого из которых были свои демоны в душе. Ни улететь, ни переехать, ни сбежать – закрыты отели, закрыты границы. Однако с ними мне оказалось гораздо спокойнее, чем одной. И интереснее… Содержит нецензурную брань.

Ашира Хаан

Ириска на двоих

Где-то в середине марта

Я проснулась от острого чувства тревоги. Само по себе это ничего не значило – последнюю неделю я просыпалась так каждый день и первым делом хваталась

за телефон, чтобы прочитать в новостях, сколько еще людей заразилось коронавирусом, сколько от него умерло, и какая еще страна закрыла границы.

Сейчас я открыла глаза в темноту. До утра далеко – окна моей спальни выходят на восток, и я уже привыкла к ранним подъемам, а тут небо даже не посерело, значит, пока глубокая ночь. Что же случилось?

Но тут разбудивший меня звук повторился, и сердце мгновенно сорвалось с места, закупоривая горло и не давая дышать.

Это дверь! Это щелчок замка входной двери!

Я села, резко и быстро дыша. Что происходит?!

Но тут замок щелкнул в третий раз и дверь открылась.

– Я же говорил, она поленится код менять. Какой смысл? – раздался хрипловатый мужской голос.

– Купи себе футболку с надписью: «Я же говорил!», будешь просто молча на нее указывать, – прозвучал второй, тоже мужской, но намного мягче.

Кто это?! Воры?!

И говорят в полный голос, не понижая до шепота? Настолько обнаглели?

Я попыталась вдохнуть, сглотнуть трепещущее в горле сердце обратно, набрать воздуха в легкие, чтобы крикнуть, но тут же передумала.

Вокруг никого нет.

В этом доме по три квартиры на каждом из двух этажей, и уже две недели как я тут единственное живое существо, не считая черно-белого кота.

Обычно местные апартаменты сдают туристам на срок от суток до пары недель, но с тех пор как на острове объявили карантин, я живу одна во всем доме.

Скорее всего, код на электронном замке и правда нечасто меняют. Кому это нужно? Туристы приехали, пожили, уехали – и все. Раз в год – и то много.

Я как-то раз думала об этом, но вскользь. На Кипре низкий уровень преступности, никто не будет заморачиваться съемом квартиры через Airbnb, чтобы потом прийти к туристам, заселившимся позже и украсть их сувениры.

– Видишь, нам повезло, никого нет, – снова раздался первый голос, пока я судорожно соображала, что же делать. – Ну что – ты на диване, я в спальне?

– Пошел нахер, я с утра не разогнусь после этого дивана. Сам на нем спи! – в голосе, показавшемся мне более мягким, отчетливо прозвучало раздражение.

Понятно уже, что не воры. Воры не ругаются, кто где будет спать в квартире, куда они вломились.

Я подобрала под себя ноги и нервно закуталась в одеяло поплотнее. Всегда сплю голой, не выношу на себе ни единой нитки во сне. Но все мои шмотки висят в шкафу или валяются в ванной в корзине для белья. Расслабилась, бегала из душа в спальню голой, все равно вокруг никого нет, даже в окно не подглядят.

Кто же знал, что придется принимать гостей среди ночи?!

Сердце незаметно вернулось на свое законное место в груди, но билось так сильно, что было даже больно. Оно у меня и так не слишком здоровое, вечно колотится, как будто куда-то спешит, даже когда я сплю. Сейчас пульс наверное и вовсе запредельный.

– Я длиннее тебя, мне всю ночь ноги поджимать не улыбается.

– А у меня, как ты помнишь, спина.

– Ну и похер тогда, пошли вместе на кровать. Она, кажется, широкая была. Обещаю, не буду к тебе приставать.

– Вот только друга-пидараса мне не хватало. Как будто на работе их мало.

Голоса приблизились к двери спальни. Я вжалась в спинку кровати.

Щелчок, свет – и два темных силуэта в проеме двери.

– Опаньки!

– Вот это сюрпри-и-и-и-и-и-и-из!

– Ты кто?

Я кто? Я? Сами вы кто!

Но с моих дрожащих губ не сорвалось ни звука. Только пальцы комкали одеяло, а я искала какие-то подходящие к ситуации слова и не могла найти.

– Ху а ю? Вотс йор нейм? – перешел на английский тот, что повыше. А потом и на другие языки. – Пос сэ ленэ? Инглиш? Дойч? Эспаньол? Зовут тебя как?

– Ира… – вдруг прорвалось сквозь сдавленное горло.

– О, наша! – почему-то обрадовался второй. – Да не бойся ты, мы сейчас…

Меня вдруг сорвало с места, словно вымолвленное слово сняло заклятие обездвиживания. Наплевав на одеяло, на свою наготу, я прыгнула вперед, пытаясь дотянуться до телефона, который валялся на столике у зеркала.

Но один из гостей оказался быстрее. Он перехватил меня, обвил руками, обездвиживая, и почему-то весело сказал:

– Не-не-не, это лишнее.

Конечно, лишнее. Я понятия не имею, по какому номеру тут звонят в полицию. Но можно было бы запереться в туалете и погуглить? Наверное…

– Слушай, Ира, – гость все еще держал меня, очень плотно прижимая руки к туловищу – не шевельнуться. – Мы не воры и не насильники. Просто среди ночи в

этом городе совершенно негде поселиться.

– Днем, боюсь, тоже будут проблемы, – хмыкнул второй, возясь с моим одеялом.

– Вероятно, – кивнул тот, что держал меня. – Так что, извини, мы тут у тебя поспим.

– Ну что, все-таки диван? – тоскливо сказал тот, что повыше. Имен они все еще не назвали, но я их уже различала. Высокий был похудее, с темно-рыжими, едва заметно вьющимися волосами. Тот, что меня держал – пониже и пошире, с косой челкой черных волос.

– Ничего подобного, – твердо возразил темноволосый. – Я не собираюсь там корчиться до утра.

Он осторожно ослабил хватку, но я не вырывалась. Куда бежать? Голой на улицу без телефона? Там сейчас едва ли плюс десять. Да и пока я буду возиться с замком, он меня сто раз поймает.

– Ну не выселять же даму, – развел руками другой. – Так что кто-то с ней, а кто-то на диване.

Что значит – кто-то с ней?! Вы же не насильники, сами сказали!

– Я на диване! – пискнула я в слабой надежде, что когда они уснут, я сбегу.

– Да молчи уж… – с досадой почесал в затылке темноволосый и потянулся, прогнувшись в спине. – Слушай, а почему не всем втроем? Кровать широкая, поместимся. Заодно ты ко мне через нее не полезешь домогаться, а она не сбежит за приключениями ночью.

– Посмотри, она и так дерганная, – кивнул рыжий на меня. – Куда ей еще втроем.

Я была не дерганная, меня просто била дрожь от холода и нервов. И я по-прежнему стояла голая на ледяной плитке пола в окружении двух незнакомых мужчин. От абсурда и нереальности ситуации кружилась голова.

Но в последние дни вокруг происходило столько всего нереального, что эта сценка казалась просто еще одним кирпичиком рушащейся крепости привычного мира. Просто еще одним.

– Не надо втроем… – пробормотала я.

– Господи! Да мы не о сексе! – закатил глаза темноволосый. – Ты в юности на вписках не спала, что ли, впятером на одном диване?

– Короче, ты как хочешь, – сказал рыжий, вдруг начиная снимать ботинки, стаскивать толстовку и расстегивать джинсы. – А я трое суток не спал. Сам с ней решай все. Меня нет.

И он, раздевшись до трусов и бросив вещи прямо на полу, упал в мою кровать, обнял подушку и мгновенно вырубился, несмотря на яркий свет.

Темноволосый посмотрел на него, вздохнул и повернулся ко мне:

– Ир, слушай, ну… – он протянул ко мне руку. Не знаю, что хотел сделать, но я отпрыгнула в сторону и предупредила:

– Я буду кричать.

– Окей, кричи, – еще тяжелее вздохнул он, скрестил руки на груди и посмотрел на меня усталыми, опухшими от недосыпа глазами.

– Помогите… – просипела я едва ли не тише, чем говорила до этого. Собралась с силами и постаралась погромче: – Помогите!

– Нет, стой, разбудишь, – обеспокоился темноволосый, сделал шаг ко мне, и несмотря на попытку увернуться, снова обхватил руками. Поднял – даже будучи ниже своего друга, он все равно был выше меня – вынес за дверь спальни, закрыл ее и снова поставил на пол. Руки, однако не убрал.

Здесь плитка была еще холоднее, и я переступила с ноги на ногу.

– Давай, – сказал он. – Теперь кричи и сопротивляйся.

Очень сложно звать на помощь, когда стоишь голая на ледяном полу рядом с совершенно спокойным человеком, который ничего плохого не делает. Тем более, что в квартирах по соседству все равно никого нет. Разве что кто-то на улице услышит крики с балкона. Но кто будет гулять посреди ночи?

Кажется, мой гость это тоже понимал.

– Помогите… – пробормотала я, уже понимая тщетность усилий. Я и просто так никогда не ору, где уж начинать в таких условиях.

– Стимул нужен? – понимающе спросил темноволосый.

– Угу, – мрачно отозвалась я, переминаясь с ноги на ногу и прикрываясь руками.

– Так не веришь? – он вздохнул, стянул жилетку, надетую поверх красного худика и вдруг схватил меня за запястья. – Ну, давай, я начну тебя насиловать. Ты покричишь вволю, и мы пойдем спать.

Он навалился сверху, опрокидывая меня на диван через подлокотник, накрыл сверху тяжелым телом. Под ним было гораздо теплее, особенно когда босые ступни не касались гладкой плитки.

– Кричи, – велел он.

А меня даже трясти перестало. Дома у меня было утяжеленное одеяло весом в пятнадцать килограмм. Я всегда под ним спала, когда срывало нервы. Он наверняка весит больше, и эта тяжесть, несмотря на всю опасность ситуации, что-то выключила в паническом центре моего тела.

– Не могу… – виновато сказала я.

– Не веришь? – он положил руку на мою шею сзади, поддерживая голову и накрыл губы бесцеремонным поцелуем, сразу врываясь языком в рот и хозяйничая там.

Это все еще не включило мое чувство опасности.

Наоборот, я вдруг вспомнила, что уже очень давно не целовалась. А я любила это делать.

Но, конечно, не с незнакомцами посреди ночи, которые угрожают меня изнасиловать, пока их друг спит под моим одеялом.

В принципе любила.

– А теперь? – терпеливо спросил он, оторвавшись от моих губ.

– Как кричать с закрытым ртом? – резонно поинтересовалась я.

И чуть не рассмеялась от абсурдности нашего диалога. Что он от меня хочет? Зачем? Что за дикая идея?

– Слушай, ну ты уже или кричи – или не кричи, – он откинулся на спинку, снимая с меня часть своего веса, и я чуть не попросила вернуться обратно. Стало холоднее и тревожнее. – А то я так выебу тебя по-настоящему, пока доберемся до криков. Или ты из тех, кто не поломается – не потрахается? Давай тогда завтра, устал чудовищно.

Охренеть. Как будто я приперлась к нему в дом и потребовала меня изнасиловать.

– Короче, давай, последний шанс покричать, – он посмотрел на меня с ожиданием. – Нет?

Я помотала головой.

Адреналин схлынул, я тоже вдруг ощутила дикую усталость. Или подхватила от него – с эмпатией у меня всегда было отлично.

– Тогда пошли спать.

Он встал, стащил с себя худик, расстегнул джинсы и кинул их на спинку стула. Стянул футболку, оставшись в одних трусах.

Сгреб меня и споро потащил в спальню, я едва успевала перебирать ногами. Уложил на кровать под бок к рыжему, который даже не пошевелился.

Сам закрыл дверь, повернул торчащий в замке ключ и тоже лег, заперев меня между двумя мужскими телами.

И вырубился, так же быстро, как его друг.

Я лежала в той же постели, что и час назад, только теперь между двумя незнакомыми мужчинами, один из которых еще и закинул на меня тяжелую руку, а другой уткнулся в плечо носом. Словно в груде горячих щенят – без сексуального подтекста. Они действительно завалились просто поспать.

Согрелась я моментально.

И успокоилась. Паника и страх таяли в темноте спальни как туман, испаряясь от тепла, которое окружало меня с двух сторон.

Пожалуй, я не чувствовала себя так спокойно с самых первых дней пандемии.

Зима будет долгой

На Кипр я прилетела с первым днем весны.

Прошедшие три месяца запомнились мне как ад, в котором погасили вечные костры и вывезли грешников на реабилитацию. А меня оставили среди холодной тьмы, пахнущей гарью.

Всю зиму я просыпалась, когда было еще темно, ставила чайник на выстуженной кухне, глотала сухой от батарей воздух, пока синий газовый цветок выжигал из него кислород. Заваривала быстрорастворимую овсянку и шла за комп.

Огромный заказ, свалившийся на нашу переводческую контору, просто некому было сейчас отдать. Все были либо заняты по уши, либо болели, либо просто не имели достаточного уровня языка для зубодробительных технических подробностей текста. От его выполнения зависело само существование фирмы, и мне пообещали двойную ставку, если я возьму свой максимум.

Курс доллара, падение нефти, финансовый кризис – тогда мы еще думали, что это дно, и от него надо очень-очень шустро отталкиваться, пока ил не засосал окончательно. Мне тоже были нужны деньги и стабильная работа, потому и согласилась. Пятнадцать часов в день я работала отрывками по пять, с перерывами на пожрать и выйти прогуляться ненадолго. Вечером, уже после заката, по хрустящему от мороза снегу – два круга по району, заскочить в магазин и обратно к станку.

Наверное, так себя чувствуют матери с младенцами. Бесконечный недосып, бесконечный день сурка, несколько часов серого света в окне, два или три раза за всю зиму выглянувшее солнце.

Но у них впереди есть самый главный просвет – ребенок, его улыбки, его первые шаги и первые слова.

А у меня по результатам была только стремительно обесценивающаяся сумма на банковском счету и невероятная усталость.

За зиму я совсем отвыкла от людей, поэтому идея полететь на пустой еще пока Кипр, где как раз все начинает расцветать, и с каждым днем становится все теплее, показалась мне интересной. До туристического сезона оставалось недели две, цены на жилье были еще низкими, а набережные – пустыми, и я заказала первый попавшийся горящий тур в один из уже открытых после зимы отелей.

Казалось бы – что могло пойти не так?

Эпидемия в Китае, несущийся вниз курс рубля, поправки в Конституцию – я не читала новостей, в них никогда не было ничего хорошего, а плохое было проще переживать постфактум. Вода нагревалась постепенно. Во всех смыслах.

Первого марта я пила вино, сидя в шезлонге с видом на беснующееся море, и под руки с громким урчанием мне лезли разноцветные кошки, положенные каждому туристу Кипра в неограниченном количестве.

Третьего – гуляла по археологическому парку и вполуха слушала гида, который пересказывал мифы Древней Греции своими словами, вставляя туда эротические новеллы похождений Зевса. Туристам был неинтересен даже Зевс.

Седьмого начала волноваться за бабушку, которая всегда паниковала раньше нас всех, и в этот раз решила побить все рекорды и уехать на дачу на два месяца раньше обычного. Забаррикадироваться там и жить, подъедая запасы засахарившегося варенья из подпола.

С трудом уломала бывшего коллегу отвезти ее туда на машине, закупившись по дороге в «Ашане» хотя бы крупами и макаронами и проверить, нормально ли топится печка. Запасы дров должны были остаться с осени, через месяц купим еще, если она не передумает.

Десятого на Кипре зафиксировали двух первых заболевших, и вот тогда все понеслось как с ледяной горки.

Через несколько дней я стояла у входа в гостиницу вместе с другими туристами, ожидающими автобус турагентства, который должен был отвезти нас в аэропорт. «Вывозной рейс» звучало как-то неприятно, я даже не могла найти определение, что не так с этими словами. Отчуждение. То ли нас от остающихся, то ли остающихся от нас. Кто-то из нас в этой ситуации должен был считаться смертниками, обреченными на заражение, а другие – предателями, которые спасутся ценой чужой беды. Но в мире все так перепуталось, что никто не понимал – опаснее уехать или остаться?

Удержится ли остров, закрывший границы, или превратится в огромный чумной барак?

Спасемся ли мы в последнюю секунду или наоборот, подхватим по пути в самолетах и аэропортах этот чертов вирус и заболеем уже дома?

Через открытые окна из ресторана было слышно работающий телевизор. Тревожные голоса дикторов, постоянно повторяемое: «Коронавирус,

коронавирус» и все остальное по-гречески. Там собрался персонал отеля, теперь остающийся безработным. Они хотели бы услышать, что все это временно, что туристический сезон все равно начнется, просто позже на месяц-другой. Но никто в целом мире не мог их обнадежить.

Я покатала свой чемодан, покосилась на не видимое отсюда море. Ветер доносил запах йода и соли, но я даже не успела с ним попрощаться. У меня была еще неделя. Неделя прохладного моря, прогулок по берегу, ресторанчиков с рыбой и вином, бараниной и английским сидром. Неделя ошеломительных закатов, расцветающих цветов, покрывающих холмы, розовых лепестков миндаля и мандариновых урожаев на деревьях прямо в городе.

Я не успела съездить на камень Афродиты, сходить на местный рынок, поесть мороженого из фургончика, где почти полуметровый конус пломбира окунают в шоколадную глазурь и так выдают туристам.

И когда это все станет снова возможным – неизвестно. Страны одна за другой сворачивали перелеты, закрывали границы и даже самые оптимистичные прогнозы не решались отправить коронавирус на покой раньше середины лета. А пессимистичные называли страшные сроки в три-четыре года, за время которых человечество отвыкнет от дурацкой своей привычки путешествовать, от которой все беды.

Море манило. Горячее кипрское солнце грело кожу. Перспектива холодной мартовской России отсюда рисовалась исключительно в мрачных тонах. Там еще лежал снег, там нервные люди запасались гречкой, орали друг на друга в очередях, кашляли в метро:

– У вас что – коронавирус?!

– Нет, что вы, туберкулез.

– Фух, а я-то уж испугалась, что коронавирус.

Там снова была моя темная квартира, опостылевшая мне за зиму до такой степени, что хоть продавай и покупай новую. Любую другую, лишь бы не эту.

Конечно, через полтора месяца придет май и зелень, и лето, но это только через полтора месяца. А если оно опять будет холодным и дождливым, как в прошлом году? Но в этом уже не утешишь себя тем, что поработаю ударно и можно будет позволить себе пару недель в теплых краях.

Перед герметизацией мира хотелось надышаться.

Но стоило мне сделать шаг в сторону моря – десять минут туда, десять обратно, зачерпнуть горсть воды, шепнуть: «Прощай!» и можно поплакать в самолете – как подрулил автобус с логотипом туроператора, и парочка крепких парней так быстро покидали чемоданы в багажное отделение, что я не успела вякнуть.

Пришлось прощаться с островом, последний раз глядя на него в окно. А потом стоять в душном аэропорту в очереди на регистрацию, скучать, переминаться с ноги на ногу, пока работницы медленно-медленно рассматривали паспорта, расспрашивали о чем-то. Ни о какой безопасной дистанции между людьми хотя бы в метр не было и речи. Кто-то кашлял над ухом.

Внутри росла паника. Мозг обрабатывал сотни сценариев в одну секунду, пытаясь найти выход из этого кошмара. И кошмаром с каждой новой секундой все отчетливее казалось возвращение, четыре часа в воздухе в консервной банке, замкнутом пространстве, где наверняка окажется хоть один больной и мы спустимся с трапа троянским подарочком родине.

Наконец в голове что-то щелкнуло, и я зашла в «воцап».

Милана перебралась на Кипр несколько лет назад вместе с мужем-программистом. Сначала они продали квартиру в Москве и купили в Пафосе. Маленькую, зато у моря.

Но потом она нашла работу, мужа повысили, как-то сам собой получился ребенок – и они взяли ипотеку на симпатичный двухэтажный домик с апельсиновым садом неподалеку от британской школы, куда предстояло через год пойти их дочери.

А к морю приезжали иногда, оставались там ночевать или сдавали на месяц-другой в туристический сезон.

Я бы никогда не сумела так обнаглеть в другое время. Но сейчас все моя нервная система трещала от перегрузки тревогой и просто не оставалось места для смущения и неудобства.

«Милан, а ваша однушка в Пафосе сейчас свободна?»

Такси из аэропорта Ларнаки обошлось в сотню евро. Катастрофа.

Но сердце трепыхалось так радостно, что я даже не стала глушить тахикардию таблетками. От счастья можно и умереть. Не жалко.

Где-то в Пафосе

Второе пробуждение было более привычным. Головокружительный приступ паники, удушье, пробуждение. Рука сразу дернулась к тумбочке за телефоном, не нашла его, и только тогда я вспомнила, что все пошло не по плану еще ночью и резко села на кровати, распахивая глаза.

Спальню заливал яркий солнечный свет, полосатый из-за деревянных жалюзи. Жизнерадостные птицы орали за окном. Дверь спальни была закрыта, но за ней слышались негромкие мужские голоса, шум, вообще присутствие людей.

Это было так странно.

Я заселилась в эту квартиру, когда дом был уже почти пуст – туристы покинули тонущий корабль раньше официального закрытия перелетов. В соседнем корпусе кто-то жил, я видела что там вечерами горит свет. В первый день в квартире по соседству я слышала шум и разговоры, но уже на следующий люди оттуда выехали и только пару раз заходил хозяин полить цветы.

Вечерами к окну являлся черно-белый кот и требовал его покормить. Если я задерживалась с подношением кусочка котлетки, он садился на окно и смотрел на меня через стекло упрекающим взором.

Через дорогу в маленьких белых домиках жили киприоты, которые проводили карантин весело – танцуя под музыку, жаря шашлыки, а вечерами распевая песни. К ним отовсюду сбегались разноцветные кошки, апельсиновые деревья роняли плоды прямо под ноги и даже мусорщики задерживались там подольше, чтобы поболтать на безопасном расстоянии. Эти люди умели переживать кризисы, не теряя бодрости духа.

У меня же тут было абсолютное безмолвие и тишина.

Мне нравилось. Я вообще интроверт. В норме я предпочитаю общаться по сети, где можно просто закрыть окошко, если собеседник утомил. Зато общаюсь я там много, у меня по три десятка открытых чатов в разных мессенджерах и я занимаю первые места по количеству постов сразу на нескольких форумах.

Правда иногда у меня случаются романы, и тогда моя сетевая активность резко падает. Весь цвет моей общительности начинает доставаться одному возлюбленному. Как правило, долго они не выдерживают. Меня может быть очень много!

Последний мой роман закончился еще в начале осени и вообще-то на Кипре я планировала найти себе симпатичного грека, чтобы была компания ходить по барам и домашним ресторанчикам.

Или британца, говорят их тут даже больше, чем русских.

А русские тут на каждом шагу. Пафос – второй по заселенности соотечественниками город на острове. В ближайших супермаркетах продавцы говорят на родном языке и всегда есть в продаже соленые огурцы и сода. И, разумеется, гречка.

Надеюсь, перед карантином они хорошенько запаслись гречкой. Как известно, во время кризиса, русский человек поддерживает свои силы только этой крупой.

Первые пару дней в этой квартире я дергалась из-за случайных звуков – то листики прошуршат по крыше, то птицы уронят что-нибудь, то крякнет старенький холодильник.

Потом привыкла.

Но теперь все изменилось. Как будто в опустевший дом въехала большая семья.

– Тш-ш-ш, не ори так, проснется.

Меня за этой дверью… ждали?

– Давно пора.

– А она, между прочим, так и не стала орать, чтобы тебя не разбудить вчера.

– Знаю я тебя, накрыл небось подушкой и оттарабанил, пока я дрых.

– Вообще-то я…

Но тут зашумела вода, и продолжения я так и не расслышала, как ни старалась. Отошла на цыпочках от двери, открыла неслышно шкаф, достала джинсы и свитер, быстро натянула первое попавшееся белье. И носки. Толстые теплые носки с силиконовыми точечками на подошве, потому что без них было очень холодно, а обычные скользят по гладкой плитке. В жару, наверное, по ней приятно ходить босиком, но до жары еще месяца два.

Я стояла, держась за ручки двери и не решалась ее открыть. Дала себе маленькую поблажку – высыпала в ладонь горсть таблеток: свои витамины, бета-блокаторы от сердца, успокоительные, которые все равно не помогали. Хотя без них, может, было еще хуже. Запила водой из бутылки.

И только тогда решилась выйти.

Тут же была замечена:

– О, привет, завтракать будешь? Марк, кончай воду тратить, она в душ захочет.

– Сам мой посуду в холодной.

– Вечером помоешь. Ир, ты иди, там как раз полный бак нагрелся.

И черноволосый махнул лопаткой, которой он только что ловко перевернул яичницу, в сторону ванной. Он стоял у плиты в одних джинсах и колдовал там сразу на двух сковородках. Пахло вкусно, хотя я не думала, что у меня будет аппетит после такой нервной ночи.

Рыжий, которого он назвал Марком, завернул кран, с брезгливым видом отряхнул от воды руки и проворчал:

– Нешто падре съест целое яйцо… Тут две тарелки оставалось, я бы домыл.

Мне сразу стало стыдно.

Вечером мне действительно было лень мыть посуду… уже три дня как. Это всегда квест: надо включить водонагреватель, подождать от пятнадцати минут до получаса, пока он согреет воду в баке, и успеть, пока вода не кончилась и не остыла.

Поэтому я обычно тратила все чистые тарелки в доме, а потом уже мыла их все разом. Мои ночные гости явились как раз под конец цикла, когда в раковине громоздились вавилоны грязной посуды

Несмотря на всю бредовость ситуации: ко мне врывается двое мужчин, угрожают изнасиловать, укладывают спать, а утром как ни в чем ни бывало готовят завтрак – самые острые эмоции почему-то вызвало вот это вбитое с детства «стыдно». Стыдно, что люди пришли, а у тебя грязно.

Посуда не мыта, под столом крошки, на комоде круги от чайных чашек, на террасе лужи от прошедшего дождя, кухонные полотенца не стираны все две недели, мусорное ведро полное, а холодильник – наоборот. Хозяюшка из меня так себе. Нормальные люди в тревоге дом пидарасят до состояния операционной, а я даже зубы забываю чистить, когда панические колокольчики звенят в голове день за днем.

Кстати, о холодильнике.

– Ириш, а чего у тебя пожрать не запасено? Я нашел только две стопки шоколадок с карамелью. Ты ими питаешься, что ли? – нагнал меня хрипловатый голос.

Я позорно быстро нырнула в ванную, чтобы не отвечать на этот вопрос.

Между Италией и Кипром

Когда работаешь дома и в основном по ночам, потому что тогда затихают соседи, тщательно выбираешь свое окружение, находя близких людей даже на другом краю мира, потому что все равно общаешься в основном по сети, довольно быстро перестаешь идти в ногу со всеми. И вот, пожалуйста, все торопятся домой, а я остаюсь, потому что виза позволяет мне пробыть тут еще пару месяцев. Все льнут к людям, а я только рада, что никто теперь не пристает с беседами на улице.

И все нормальные люди стыдились бы того, что двое незнакомых мужчин видели меня голой, а мои щеки заливает краска из-за немытой посуды, которую они увидели.

Я не ждала гостей! Я собиралась убраться в квартире перед тем, как улетать – когда вновь запустят рейсы или когда придется сдаться в посольство из-за истекающей визы. Но каждый день приносил все более серьезные новости. С каждым днем мир схлопывался. Отменены полеты. Кто может, работает из дома. Закрыты все бары и рестораны. Закрыты все магазины кроме продуктовых и аптек. Закрыты заправки. Отменены автобусы по воскресеньям. Перестала работать почта. Рекомендуется не приближаться к людям на расстояние меньше двух метров.

Вся моя интровертская жизнь была идеальным карантином.

Но вдруг его нарушили именно в тот момент, когда я ожидала этого меньше всего.

Вода была еле теплой. Видимо, все-таки Марк потратил ее на посуду больше, чем думал. Или я слишком долго стояла, оперевшись на раковину, и дышала, пытаясь справиться с захлестывающими меня чувствами паники и стыда пополам. Так что зубы пришлось чистить, морщась от холода.

А потом все равно выходить из своего убежища. Пусть ванная и запирается, но всю жизнь там не просидишь. Надо было выяснить, что собираются делать эти товарищи и не хотят ли они слинять куда-нибудь еще.

Завтрак был накрыт на террасе, больше нигде три человека бы не поместились. Это маленькая квартирка с одной спальней, рассчитанная на одного человека. Не мне, выросшей в однушке с родителями, сестрой и собакой рассуждать о том, что только спален в доме должно быть по числу жильцов, но я успела оценить и совмещенную с кухней гостиную и огромный балкон-террасу, и то, что дверь квартиры открывается прямо на улицу, в солнечный свет и зелень.

– Я Дима, – наконец представился черноволосый, жестом предлагая мне лучшее место на диване. Себе он притащил стул из гостиной. – Это Марк.

Рыжий развалился на плетеном кресле, закинув длинные ноги на бортик балкона. Перед ним стояла только чашка кофе. Мне кофе было нельзя – я нашла его при въезде в кухонном шкафчике, с наслаждением вдохнула аромат, но убрала обратно.

И так пришлось утроить дозу таблеток, но это не спасало меня от двух-трех приступов бешеного пульса в день. Обычно я старалась полежать в такие моменты, надеясь, что однажды мое бедное сердце не захлебнется кровью и не остановится, не выдержав гонки.

Передо мной поставили тарелку с яичницей с беконом и зеленый чай.

– Я угадал? – спросил Дима. – Чай стоял ближе всего в шкафчике, а в холодильнике кроме засохшего сыра оставалось только это.

Чай так стоял, потому что обычный мне пить не стоило, а зеленый был вроде как полезнее. Я каждый день смотрела на него и думала, что надо бы заварить, но тянулась к спрятанному за ним черному с жасмином. Не люблю этот привкус сена.

А яйца были последним, что я купила в супермаркете еще до момента, когда объявили полный карантин. Бекон, яйца и десять пачек спагетти. Они на самой верхней полке, он туда не добрался. И много-много шоколада. С тех пор я еще ходила в ближайшие магазинчики для туристов, где кроме шоколада и соков из еды были только сувенирные упаковки оливок и оливкового масла.

Говорят, в супермаркетах к обеду кончается почти все, кроме самых дорогих продуктов, а очередь тянется по улице, аккуратно соблюдая полутораметровое расстояние между людьми. Пока не проверяла, все равно ем один шоколад.

– Невкусно? – поинтересовался Дима, глядя, как я ковыряю яичницу. Аппетита не было. Хотелось нормального чая и сладкого.

– Вкусно, – буркнула я. – Но давайте к делу.

Во дворе напротив включили какую-то визгливую арабскую попсу, мимо по дороге одна за другой куда-то неслись машины, на балконах домов по соседству висели разноцветные полотенца.

Если не открывать ленту новостей, могло показаться, что жизнь идет своим чередом.

– К делу так к делу… – Дима вздохнул и кивнул Марку.

Тот откинул голову, ловя лицом теплые солнечные лучи. В ярком свете его темно-рыжие волосы вспыхивали огненными искрами, но брови и ресницы были темными и кожа не такая как обычно бывает у рыжих, не прозрачно-бледная, а чуть смугловатая и без веснушек.

– Все отели закрыты в связи с карантином еще минимум на две недели. Airbnb не принимает резервации для стран, выбравших политику изоляции. Я попытался связаться с владельцами квартир лично, но они боятся вируса, боятся внезапной отмены брони, боятся, что мы заплатим за неделю, а сами останемся жить до конца эпидемии, и власти запретят выселять тех, кто застрял в стране.

– То есть, это значит… – я очень не хотела понимать, что это значит.

– Прости, Ириш, мы останемся жить у тебя. На пару недель точно, – Дима сходил на кухню и тоже вернулся с чашкой кофе.

– Я против! Вы совсем охренели, что ли! – возмутилась я. – Сначала вламываться ночью, потом вообще остаться! Идите вломитесь в соседнюю квартиру, она пустая!

– Ломать дверь – это уже уголовка.

– Нам реально некуда пойти, Ир.

– Так позвоните в посольство! Я тут при чем? – я оттолкнула чашку с чаем от себя. Хотелось запустить ее в голову Диме. Или Марку. Я еще не знала точно. Но кидаться на двух здоровых мужиков не очень разумное поведение.

– Нам… не стоит светиться официально, – Дима бросил быстрый взгляд на Марка, тот скосил на него глаз, как дракон, но ничего не добавил.

– Зашибись… – я толкнула несчастную чашку еще дальше. Больше выместить досаду было не на чем, не яичницу же вилкой пырять. – А сюда вы как попали?

– На самолете. Из Греции.

– А в Грецию?

– Из Германии. А туда из Франции. Скатались на пароме в Англию. Но Димку не пустили, у него последний день визы был.

– Но вообще мы летели через Швецию, пытаясь проскочить через границы раньше, чем их закроют.

– Был шанс отсюда поймать самолет до Австрии, но уже не сложилось.

– Стоп-стоп-стоп! – у меня аж закружилась голова от этой географической чехарды. – А куда вы рвались-то? И откуда?

– Из Швейцарии. В Италию.

Марк снова закрыл глаза и слегка поморщился.

Он говорил короткими рубленными фразами, очень неохотно, но, видимо, как и его друг, решил, что я заслуживаю хоть каких-то ответов.

– В Италии же коронавирус!

– Коронавирус сейчас везде, – очень мягко сказал Дима. – А Марку нужно сделать вид, что он последний месяц безвылазно сидел в Римини. Если бы прокатило, никто бы не стал проверять.

– Зачем? – заинтересованно спросила я. Какие-то шпионские страсти на пустом месте.

– А вот это не твое дело, – Марк распахнул свои драконьи глаза, сверкнувшие на ярком солнце желтизной и посмотрел на меня в упор. – Ничего криминального. Этого достаточно.

Дима начал собирать со стола пустую посуду, а меня вдруг накрыло таким ужасом, что я даже забыла про стыд от того, что кто-то опять хозяйничает вместо меня.

– То есть вы, получается, в разгар пандемии были в куче аэропортов, в самолетах, на вокзалах… – сквозь пелену иррациональной паники не получалось даже сосчитать, насколько велика эта куча. Они наверняка не все упомянули.

– Если бы не разгар пандемии, самолет был бы всего один, – пожал плечами Дима.

Кажется, он даже не понял, к чему я.

– Вы же могли подхватить эту дрянь! Как вы вообще попали сюда мимо карантина?

– В карантин нам тоже нельзя, – Марк встал и стал собирать оставшуюся на столе посуду.

Я отшатнулась, когда он наклонился за моей чашкой.

Он хмыкнул, бросил на меня короткий взгляд и ушел на кухню.

– Поздно уже дергаться, мы всю ночь проспали вместе, – прокомментировал Дима, доставая пачку сигарет из нагрудного кармана. – Тут курить можно?

– Нет, – отозвалась я, пытаясь дышать медленнее и спокойнее. Мое сердце убьет меня раньше любого вируса, если я буду так реагировать.

– Даже на террасе? Ну окей, – он убрал сигареты обратно и пересел ко мне на диван. Я не успела дернуться, как он обнял меня и прижал к себе. – Могу тебе поклясться, что мы были крайне осторожны, держались подальше от людей и часто мыли руки.

Прикосновения. Все-таки мне здорово их не хватало. Друзья в интернете самые лучшие, но они не могут меня обнять. А может вот этот совершенно посторонний мужик и от его близости и тепла становится чуть легче.

– Не бойся, Ир. Все в конце концов будет хорошо. А пока не очень, люди должны помогать друг другу. Ты поможешь нам, а мы тебе. Хочешь денег? С чем-чем, с деньгами проблем нет. Но некоторые вещи сейчас не купишь даже за очень большие деньги. Разве что за совсем нереальные, но столько у нас нет.

Я подумала, что аппарат ИВЛ наверняка купишь. И вертолет до необитаемого острова, где можно переждать эпидемию. Так что надежды некоторых интернет-бойцов на смену власти в мире можно похоронить. Да, от вируса умирают в основном пожилые люди и заражаются тоже, но если президенты и шейхи еще не спрятались от него в изолированных комнатах, их вытянут, даже если они заболеют.

– Подите предложите денег вот им, – я кивнула на веселых киприотов в доме на противоположной стороне улицы. Уже с утра там гремела музыка, разжигали мангал и собирались жарить сувлаки.

Вот какой народ точно не победить. Каждый вечер, сначала по выходным, а теперь и в будни, они танцевали и пели, каждая семья строго в своем дворе, но на самом деле все вместе. И проезжающие машины радостно сигналили им, а прохожие улыбались и махали, не забывая, впрочем, расходиться со встречными по разным краям дорожки.

– Ты ведь уже согласилась, – Дима потискал меня как плюшевую игрушку. В нем не было угрозы как этой ночью. Хотя и ночью я так толком ее и не ощутила, несмотря на все его попытки.

Да, я уже согласилась.

Мир сошел с ума, и я тоже.

Мне было приятно, что меня накормили завтраком и позаботились.

Деньги, если честно, тоже казались не лишними. Летящий в пропасть курс рубля заставлял нервничать даже сильнее эпидемии. Точнее, они успешно соревновались за первое место, временами отдавая победу страху не выбраться с Кипра никогда.

Но было еще то, как я ощутила себя ночью. Когда меня отпустила тревога, уже несколько дней стискивающая голову железным обручем. Часто ее не берут даже рецептурные препараты, если только не углушиться ими до состояния умертвия, и за такие минуты можно заплатить очень дорого.

Собственно, я уже заплатила тем, что осталась здесь вместо возвращения домой.

Меня могло успокоить только море. Каждый вечер, когда солнце уже начинало потихоньку сползать к горизонту, я шла на берег. Сначала я ходила до дальнего супермаркета – почти час в одну сторону. Но с тех пор, как в Пафосе появились первые заболевшие, решила стать аккуратнее, все-таки по пути встречается слишком много людей. Теперь я гуляла недалеко, до пустынного пляжа, где встречала закат, сидя на шершавых камнях у воды, и оставалась там до тех пор, пока от ночной прохлады не начинали мерзнуть пальцы.

Зато прибой успокаивал меня достаточно, чтобы я мгновенно засыпала и спала шесть-семь часов. Это много. В Москве во время обострения получалось не больше четырех.

Ощущение нереальности, появившееся еще во время первых объявлений об отмене всех рейсов и закрытии магазинов, о мировой пандемии, о ежедневных сотнях смертей, заставляло кружиться голову. Вокруг происходило то, чего не было никогда. Все казалось нереальным, словно во сне. И по логике снов дальше произойти могло все, что угодно.

Но и я не была больше связана условностями обычного мира.

Я согласилась.

Холодные каналы Марса и Венеции

Дима выпустил меня из плюшевых объятий и встал:

– Ладно, если тут мы все решили, давай тогда я схожу за едой. Шоколадками питаться три недели мы не сможем. Где тут что?

– На самом деле даже не знаю толком… – растерялась я. – Тут есть несколько туристических мини-маркетов, где «Кока-кола», шоколадки и сувениры.

– Там ты и закупалась?

– Ну да. Нормальная еда в большом супермаркете в порту, там даже есть русский отдел. И вообще все говорят по-русски. Но я там еще не была с начала карантина, может быть, его уже закрыли.

– Ладно, понял. В крайнем случае пройдусь подальше.

Он вернулся в комнату, натянул кроссовки, попрыгал.

Марк складывал посуду в раковину, протирал кухонный стол и вообще хозяйничал, будто это я у него в гостях, а не он у меня.

– Вы на машине?

– Да, но я лучше пробегусь по берегу, сто лет у моря не был. Марк может пока помыть посуду.

– Это лучше, чем бегать по карантинному городу, – меланхолично прокомментировал тот. – Не целуйся там со всеми подряд дамами только, бога ради, у некоторых может быть скрытое течение.

– Вообще ни с кем не буду целоваться! – клятвенно пообещал Дима, прижав руку к груди. – Даже с Иришкой, ей, кажется, не понравилось.

– Да я сама могу помыть… – я смутилась от этих разговоров.

Понятно было, что Дима так вел себя ночью, чтобы побыстрее сломить мое сопротивление и пойти спать. Это оказалось эффективной стратегией. Но вспоминать было неловко.

– Я уже вроде бы сказал, что помою? – ядовито поинтересовался Марк.

– Это я сказал, – уточнил Дима. – Иришка могла решить, что ее долг хозяйки – отговорить нас.

Усердствовать в отговаривании я не собиралась. Ненавижу мыть посуду. Больше, пожалуй, только мыть полы. Но сейчас включились какие-то чертовы гены или чебурашки, которые заставляют меня из кожи вон лезть, чтобы показать себя хорошей хозяюшкой перед двумя такими годными самцами. И все равно, что эти самцы вломились ко мне с угрозами изнасилования. Наоборот! Задвинутый на задний план в обычное время ген выживания крайне радуется, что доставшиеся нам с ним мужчины такие агрессивные. Выживать будет проще.

Хотя пока ни о каком выживании речь не идет – никто не бегает по Пафосу с двустволкой и в противогазе.

– Нет, ну мы ворвались в чужой дом, надо как-то отработать, – хмыкнул Марк.

– То есть, вламываться в чужой дом вам совестно, а задвигать мои интересы – ок-норм? – уточнила я. – Я рассчитывала жить тут одна. И спать одна, а не тесниться с двумя огромными мужиками.

– Ир, у нас правда нет других вариантов.

Вот это мягкое «Ир», этот жест, его теплые пальцы вдруг накрывшие мою руку, которой я опиралась о кухонную стойку, неожиданная близость, хотя он с утра сторонился меня – все это от немного высокомерного и холодного Марка меня и сломало.

Где-то на заднем плане хлопнула дверь – ушел Дима. И тут же Марк сделал шаг назад и вернулся к уборке. Не оборачиваясь, он сказал:

– Давай, Димка вернется, и мы обсудим все еще раз. Занимайся пока своими делами, как если бы нас не было.

Легко сказать.

Мои дела в эти непростые дни по утрам заключались обычно в паническом чтении ленты новостей. Сначала российских, потом кипрских. В российских все было хорошо – аналитики прогнозировали, что эпидемия родины не коснется, а если коснется, то завизжит и убежит, организаторы концертов свято верили, что если в помещении меньше пятидесяти человек, пусть даже сорок девять, то коронавирусу туда ходу нет, турагентства продолжали продавать горящие путевки в еще не закрытые страны.

После рассказа Димы и Марка о том, что авиасообщение успевало прекратиться, пока они шли по трансферному коридору из одного самолета в другой, я бы не стала рисковать застрять в каком-нибудь Дубае. Это на Кипре прилетевших селили на карантин в опустевшие отели и кормили, вне Европы с гуманизмом было похуже.

Зато на Кипре царила паника. Где-то скупали туалетную бумагу и макароны, где-то устраивали распродажи, чтобы заработать хоть что-то перед тем, как все

магазины закроются, люди собирались толпами, чтобы обсудить как жить дальше – и это особенно раздражало правительство, которое пыталось вырулить, не закрывая на задвижку вообще все, что шевелится.

Честно говоря, я бы сейчас многое отдала за срочную и тяжелую работу вроде той, что настигла меня этой зимой. Чтобы не было времени паниковать, думать, читать чужие истерики. И заработать на хомячьи запасы, которые я непременно начну делать, как только вернусь домой.

Но кому нужны переводы, если есть опасность, что к середине весны закроются даже самые крупные компании?

Я потерла глаза, закрыла все вкладки с новостями и поняла, что хочу шоколадку, чтобы успокоиться. Но на кухне царил Марк: он нагрел воды, перемыл посуду, нагрел еще, оттер плиту, которую я изгваздала в первый же день, когда готовила курицу тандури, подмел, посыл полы, нагрел воду в третий раз и вымылся сам. Он двигался легко и ловко, словно это была не уборка, а контемпорари-танец с такими вот причудливыми движениями и глубокой концепцией. Если бы я напряглась, я бы даже написала к этому перфомансу красивый текст, чтобы зрители сразу поняли, что это не просто так высокий и красивый мужчина моет унитаз и протирает стеклянный столик в гостиной – это что-то значит.

Если бы я просто смотрела такое видео, я бы могла в него влюбиться, настолько гармонично он был сложен, настолько ярко и необычно выглядел и при внешней безобидности – кто ждет подвоха от мужчины со шваброй? – внутри него таилась опасность, словно тлеющий на торфяных болотах пожар, спрятанный под землей. Я нисколько не сомневалась, что в любой момент он может переломить эту швабру о колено и вонзить мне в сердце острый край.

– Верни мне телефон, пожалуйста, – попросила я.

– Не знаю, где он, – вытирая голову полотенцем, Марк приземлился на диван рядом со мной. Я еле успела подобрать вытянутые ноги. Темно-медные волосы его распушились и выглядели светлее. – У Димки, наверное.

Он точным броском отправил полотенце в корзину для белья в ванной, взял меня за лодыжки и распрямил ноги обратно, уложив их к себе на колени. Откинулся

на спинку, закинул руки за голову.

Футболку он надевать не стал, только выудил свободные спортивные штаны из стоящего у двери рюкзака. Очень был очень привлекательным. Очень. Хотелось облизывать взглядом все эти точеные мышцы и карамельного цвета кожу. Но я бы с ним не связалась никогда. От него за версту несет большими проблемами и темным прошлым.

Не знаю, о чем все это время думал Марк, но он внезапно повернул голову, застукав меня за беспардонным разглядыванием его загорелых жилистых рук, сплетенных из сухих мышц. Всегда от таких тащилась. Вот, помню, как-то на работе наш гендиректор поменять бутыль в кулере и прошел мимо, неся двадцать литров воды одной рукой. Его предплечье с выступившими тугими жилами еще долго было одной из моих сексуальных фантазий. При том, что сам гендиректор был тусклым и нудным мудаком и в страшном сне не приснился бы мне в постели рядом.

А Марк не только приснился.

– Тебе не страшно здесь одной? – вдруг спросил он. – В чужой стране во время всемирной эпидемии?

– Я не одна, – я пожала плечами. – У меня куча друзей.

Повернула к нему экран ноутбука, на котором мигал десяток чатов.

– Но здесь, в реальности, – он обвел рукой крошечную светлую квартирку, которую я уже любила сильнее своей московской. – Ты одна.

Я потерла пальцами виски.

К сожалению, у реальности есть и такой минус – не могу его сейчас забанить одним щелчком мыши.

– Я не люблю, когда так говорят, – ответила ему. – Словно люди, настоящие живые люди, с которыми я общаюсь каждый день – не живые. Некоторым совершенно не нужно физическое присутствие близких, чтобы чувствовать их

тепло.

– Но здесь даже в окрестностях никого нет, – продолжал он настаивать. – Не боишься?

– Кого? Если никого нет? – усмехнулась я. – Привидений? Несколько ночей в начале я слышала странные звуки. Вот такие.

В этот момент дверь в квартиру действительно скрипнула и дернулась. Марк напрягся всем телом – я почувствовала как рядом с моими ступнями закаменел его живот. Я отложила ноутбук, встала и открыла дверь. Толстый черно-белый кот высказал мне свое «Мрррлллрррммрр!», а я полезла в холодильник за остатками бекона.

– Это оказался он, – пояснила, кидая котику несколько полосок мяса. – Только корми его в квартире, а то соседи ругаются, если снаружи остается еда. Боятся муравьев и тараканов.

– Нас. Например, можно бояться нас, – Марк посмотрел на кота как на личного врага.

Тяжело быть большим и сильным мужчиной, которого только что чуть не напугал котик.

– Разве что вас. Откуда у вас код к замку, кстати? – я сбросила набранные цифры и закрыла пластиковую заглушку, которую они не удосужились защелкнуть.

– Я останавливался тут полгода назад на пару дней. Предпочитаю квартиры с электронными замками, чтобы не встречаться с хозяевами. Код запомнил, потому что это мой день рождения. У нас было не особо много вариантов и спать в машине не хотелось никому, поэтому решили проверить. Как видишь, из-за карантина многие не приехали и был шанс, что и тут никого нет.

– А тут есть я.

Котик доел, потерся о мои ноги и я присела, чтобы погладить его. Наверняка все кошки острова сейчас страдают из-за острой недоглаженности. Туристов нет, а

местные за зиму устали выполнять тройную норму. Надеялись переложить эту обязанность на свежих визитеров.

– Так почему ты одна, Ирка? – снова докопался Марк.

Меня даже бабушка перестала спрашивать, когда замуж, а более дальних родственников я вообще послала, не стесняясь в выражениях. Забралась в другую страну, обложилась карантином, нашла пустой дом для жизни – и все равно нашли!

– Не люблю, когда меня так называют, – сообщила я черно-белому котику. Котик сверкнул зелеными глазами, признавая за мной это право, по крайней мере, до тех пор, пока я его глажу.

– А как? Ирина? Иришка? Ириска? – спросил Марк. – О, точно. Будешь Ириска. Ты такая…

– Липучая? – засмеялась я.

– Нет, но… – он пощелкал пальцами, ища слова. – Скорее трескучая и сливочная.

Я хмыкнула.

Ириской меня еще не называли.

Котик под рукой вывернулся, цапнул меня за ладонь. Ну все, надоело. Я встала и подтолкнула его к выходу. В правилах дома было написано, что держать животных запрещено. Кто бы проверил в такое время, но не хотелось подставлять Милану.

Закрыла дверь.

– Думаешь, Дима скоро вернется?

Марк пожал плечами и не ответил. Я вымыла руки. С некоторых пор это превратилось в невроз, хотя в самом начале, еще до объявления пандемии, было выпущено пояснение, что животные вирус не переносят.

– Думаешь, карантин скоро кончится? – снова спросила я его. Как будто он знает.

Он снова пожал плечами. Я вернулась на диван и уже с полным правом уложила ноги ему на колени.

– Ты была тут, когда закрывали бары?

– Да… – я еще жила в гостинице и застала момент, когда в барах посоветовали сидеть подальше друг от друга. А потом уже решили, что лучше закрыть насовсем. – Это было очень грустно. С начала марта они открывались после зимы один за другим, город оживал перед сезоном. Вон там на углу потрясающий ирландский паб с десятками видов сидра, я успела попробовать. Маленькие магазинчики, гостиницы, фургончики с мороженым. Каждый день появлялось что-то новое. Распускались как цветы навстречу солнцу. А потом ударили заморозки. В последний день владельцы стояли в дверях своих баров и грустно смотрели на прохожих. А в шесть вечера закрылись навсегда. Лета не будет.

– Не навсегда, – Марк накрыл ладонью мои замерзшие ступни, согревая. – Когда-нибудь это кончится…

Смотрел он при этом на яркий солнечный мир за перилами террасы. Отсюда было видно маленький кусочек бирюзового моря. Он словно силился разглядеть что-то за горизонтом. Италию, куда ему было так нужно?

– Мир уже не будет прежним, – произнесла я фразу, которой в эти дни были заполнены все соцсети. – Никогда.

– Гостиницы снова откроются. И бары.

– Но придут туда уже совершенно другие люди. Не читал Брэдбери? Как колонисты на Марсе потеряли связь с Землей, а когда она вернулась, они были уже смуглыми и золотоглазыми марсианами. Вот и мы станем другими.

Марк покачал головой:

– Тебе говорили, что ты странная?

– Нет, потому что я тщательно фильтрую свой круг общения, – отрезала я, вновь подбирая под себя ноги.

Похоже, мне и правда не хватало живых людей, раз я так расслабилась рядом с незнакомым человеком, не проверим его предварительно разговорами попроще.

– А мне говорили. Наверное, поэтому я так хорошо тебя сейчас понимаю. Я вернусь в Римини. Обязательно доберусь туда, потому что мне очень нужно. Но там больше не будет тех людей, что я оставил, уезжая, когда все еще думали, что этот чертов вирус – очередной грипп. Будут марсиане.

Его золотые глаза мерцали, а загорелая кожа оттеняла темно-рыжий, как у медных канадских лисиц окрас.

– Чума снова в Италии…

– В первый раз ей там очень понравилось.

– Я когда-то мечтала провести зиму в Венеции. Писать стихи, согревать руки под одеялом и смотреть на дождь, идущий над холодной зеленой водой каналов. Наверное, там сейчас красиво и страшно. Смерть снова ходит среди людей, прячась под маской. Но маска уже другая.

– Ты странная, – снова усмехнулся Марк. – Нам повезло. Нормальная и вправду бы вызвала полицию.

Мне было и вправду немного одиноко в эти дни даже в сети среди тех, кого я долго искала по всем концам земли. Несмотря на то, что мы вместе смеялись и боялись, никто из них не был на моей волне, и запах их чуждого мне страха, заставлял тревожиться еще больше. Словно еще не все беды пришли ко мне толпой, словно я боюсь еще не всего, чего должна.

А этот мужчина с золотыми глазами марсианина каким-то образом меня понимал. Хотя я никогда не выбрала бы его в близкие люди даже в интернете.

– Хочу чая, – я встала и пошла наливать чайник.

– И шоколадку? – хмыкнул Марк. – Ты же слипнешься вся от такого их количества, Ириска.

– Шоколад – самый выгодный продукт по сочетанию калорийности к занимаемому месту! – сказала я назидательно. – Он поднимает настроение, потому что содержит природные антидепрессанты. Поэтому я закупала шоколад. И макароны на случай, если он мне надоест.

– Надеюсь, у Димки другие приоритеты! – рассмеялся Марк. – Потому что я предпочитаю мясо.

Иллюзия мира

Дима вернулся через два часа с рюкзаком и двумя набитыми пакетами. Позвонил в дверь – я подпрыгнула, потому что всегда нервничаю от резких звонков. Марк отмывал террасу от нанесенной дождями грязи, но все равно успел к двери первым – я стояла, держась за сердце. Обычно я гораздо спокойнее, но с тех пор как все это началось, даже новостной заголовок: «В супермаркете Кипра найден кошелек с двумя тысячами евро» способен довести меня до инфаркта. А вдруг это мои две тысячи евро выбрались из носка, заныканного в дальнем углу чемодана и пошли погулять в супермаркет Лимассола?

Я, кстати, после заголовка и панической атаки от него всерьез пошла и проверила. Мало ли. Нет, мои евро оказались домоседами.

– На пару дней хватит! – Дима доволок сумки до холодильника, распахнул его и стал забивать продуктами. – Город реально как вымер. Ветер гоняет пустые бутылки и крутит вентиляторы на летних верандах. Из живого – только кошки бегают. Никогда не думал, что увижу такую жуть.

– Супермаркет работает? – спросила я.

– Работает, но там только зомби, – серьезно ответил он, но увидел мое лицо и рассмеялся: – Шучу, прости. Боишься зомбиапокалипсиса?

– Нет… – я поежилась. – Но у тебя очень убедительно получилось.

– Он всегда шутит с каменным лицом. Мы из-за этого столько раз влетали… – Марк перехватил пакет со свиными отбивными по пути к холодильнику и выудил из сумки лук. – Давайте сегодня я готовлю.

– Я вообще на вечер купил готовую баранину в травах. В рюкзаке посмотри. И сидра. Ир, любишь сидр?

– А где ты взял баранину? – удивилась я. – Сидр люблю, но мне не стоит сейчас. Я раскисну и начну плакать.

– Пробежался чуть подальше до «Альфа-Меги». В портовом супере как-то выбор не понравился. Хотя там даже русские семечки продаются!

– Каждому русскому эмигранту регулярно нужен «Бородинский» хлеб, семечки, майонез и сода, – нравоучительно сказал Марк. – Не спрашивай.

– Но почему сода?..

– Я же сказал – не спрашивай.

Честно сказать, первый нормальный ужин после недели на шоколадках был невероятно вкусным. Я даже сдалась и выпила банку английского сидра и чуть-чуть расслабилась.

Пока дело не дошло до укладывания спать.

– Я не буду опять с вами в обнимку! – заявила я, вытаскивая из шкафа плед и отправляясь на диван в гостиной. – Вчера был форс-мажор, сегодня вы меня не купите.

– Ириска-а-а-а… – простонал Марк, отбивая лицо фейспалмом. – Ну что за беда с тобой?

– Ты вообще нормальный? Мы втроем должны там тесниться, хотя тут есть вполне годный диван?

– Он не годный, он короткий. Одну ночь поспишь – поймешь. До конца карантина точно не выдержишь, – заметил Дима. – Не заставляй меня опять тебя укладывать силой.

– Это будет уже нездорово…

– Сам уговаривай, – снова бросил друга Марк и пошел собирать посуду.

Я так привыкну и разбалуюсь.

– Ир, давай рассуждать логически, – вздохнул Дима, допивая банку сидра и открывая вторую. – Кровать одна. Диван неудобный. Для нас с Марком неудобнее, чем для тебя, но ты девушка, так что разница нивелируется.

– Я феминистка, – буркнула я.

Телефон пиликнул входящим сообщением: «Граждане России, желающие покинуть территорию иностранных государств…»

Я стерла смску без сомнений и колебаний. Буду спать на полу, но все равно не уеду. Там снег, холод и тот же самый вирус. Не брошу море.

– Тем более, если ты феминистка, – отозвался Марк, шуршащий чем-то на кухне. – Ты же не можешь позволить нам, привилегированному полу, получить еще и это преимущество? Ты должна настаивать, чтобы с кровати свалили мы оба. Куда угодно.

– Но мы не свалим, – Дима откинулся на спинку стула и отвел длинную челку с лица. Она все время падала так, что закрывала его глаза, но сейчас он смотрел на меня прямо и взгляд не отводил. – Поэтому давай ты просто привыкнешь к мысли, что мы снова спим все вместе.

– Мы же к тебе не приставали? – Марк подкрался сзади и положил ладони мне на плечи, разминая их.

Я напряглась всем телом.

Не люблю, когда меня трогают незнакомые люди.

Он тут же убрал руки.

– Вы были уставшие…

– И ты думаешь, мы сейчас отдохнули, пожрали и сразу начнем насиловать тебя? – Марк ухмыльнулся и чокнулся банкой с Димой.

– Начинай кричать, – предложил тот. – Во второй раз получится лучше.

В общем, спать мы снова легли грудой теплых щенков.

Разве что в этот раз я натянула трусы и длинную футболку.

И мгновенно вырубилась, не успев даже попереживать по поводу того, что снова сплю с двумя мужчинами.

Среди ночи меня разбудили мотоциклисты. С наступлением тепла у местных любимое развлечение – гонять по пустым улицам ночных городов с диким ревом огромными толпами. Раньше я тоже, бывало, просыпалась в три-четыре утра, нашаривала телефон, материлась, увидев время, немножко играла в шарики и снова засыпала.

Попытка дотянуться до тумбочки кончилась тем, что я нашарила рядом с собой горячее мужское тело и чуть не заорала. Но через секунду мозг наконец подгрузил воспоминания, и я поспешно отдернула руку. Дима спал рядом, полностью раскрывшись, сбросив на меня часть одеяла, которое мы делили с ним на двоих. Мускулистая, покрытая черными волосами грудь мерно вздымалась и опускалась, дышал он шумно и, кажется, не почувствовал моего прикосновения. От него дышало жаром, я даже испугалась, что он уже заболел. Легко тронула лоб – вроде нормальная температура. Просто так кажется от того, какой он витальный и мощный.

Спящий с другой стороны Марк не стал претендовать на одеяло, завернулся в легкую простыню как в кокон, прикрыл рукой глаза словно от яркого света и, напротив, дышал так тихо, что казалось – уже и не дышит. Или умер, или проснулся и теперь наблюдает за мной, затаившись.

Дверь в спальню была открыта – еще одно свидетельство того, что все изменилось. Каждую ночь в одиночестве я запиралась тут с бутылкой воды и шоколадкой, стараясь не выходить до утра. Словно по остальной квартире бродили дикие звери. Иногда за дверью раздавались странные звуки – и не поймешь, то ли и правда кто-то бродит, то ли это с улицы. Правда, когда Марк с Димой завалились ко мне, стала остро ясна разница.

Так что теперь дикие звери спали внутри моего бункера. Безопаснее было снаружи.

Почему-то Марка я боялась больше, поэтому аккуратно перебралась через Диму, который даже не сбился с шумного и горячего своего дыхания, пока я преодолевала холмы и ущелья его тела. Ступила на гладкую плитку, тут же обжегшую холодом. До этой своей эпопеи я не понимала в полной мере южноевропейцев, которые видят снег только в горах, но жалуются на холодные зимы. Оказалось, что без центрального отопления и в домах, которые традиционно строят для защиты от жары, внутри может быть холоднее, чем снаружи. Когда снаружи +40, это хорошо, но когда +10, уже не очень.

Особенно по ночам, когда босая и уязвимая, едва выбравшись из-под теплого одеяла, бежишь в туалет, повизгивая от холода.

Но мне было слишком жарко в этом кубле щенят, мне нужна была ночь и ветер. Я тихонько отодвинула стеклянную дверь, вышла на террасу, оперлась на ограждение и глубоко вдохнула ночной ветер Кипра. Холодный, он нес запахи можжевельника, соли и йода, нагретых дневным солнцем камней.

Перила были утыканы маленькими лампочками, работающими на солнечных батареях. Днем они набирались энергии, а ночью, как только становилось достаточно темно, автоматически включались и светили теплым желтым светом как волшебные эльфийские огни.

Спящий тихий город, яркие звезды, эти огоньки – все выглядело спокойным и мирным, словно неумолимый кошмар не разворачивался сейчас по всей планете. Хотелось остаться в этом покое навсегда.

Но очень мерзли ноги.

– Иди уже сюда, – раздался голос Марка за спиной.

Черт знает почему он меня не напугал. Возможно, моя взвинченная тревожность тоже замерзла. Или растворилась в тишине и умиротворении этой ночи.

Я просто одним прыжком оказалась на диване рядом с ним. Марк стащил с него покрывало и набросил мне на колени. И обнял.

Тут-то весь не ощущаемый до того момента холод и набросился на меня, заставляя дрожать и стучать зубами. Рука Марка стиснула меня сильнее, прижимая к боку.

Значит он все-таки не спал, когда я уходила. Тоже потревожили мотоциклисты?

Зачем он пошел за мной?

– Тебе понравилось целоваться с Димкой? – вдруг спросил он.

Я замерла где-то у него подмышкой. Хорошо, что не надо смотреть в глаза.

– Зачем тебе это знать?

– Любопытно, – он пожал плечами, заставив меня недовольно заворчать. – Просто любопытно. Почему он так нравится девушкам.

– Это не было добровольно, знаешь ли…

– Ну так понравилось?

– Наверное… – я бы покраснела, но в полутьме все равно не видно. – Это не было противно, но поцелуй же не просто физиология. В нем важны эмоции. Тогда я боялась и злилась. Обычно так не целуются.

– А сейчас?

– Сейчас мне холодно и тревожно.

– Тогда условия почти равные, – Марк отстранился и пальцами поднял мой подбородок, заставив посмотреть ему в лицо. – Поцелуй меня.

– По идее, чтобы были равные, это ты должен меня поцеловать, – проговорила я онемевшими губами.

– Ну если ты просишь… – усмехнулся он.

И поцеловал.

Холод мгновенно отступил. Вся кровь в теле закипела и рванулась к коже, словно меня опустили в ванную, наполненную кипятком.

Сердце забилось гулко и сильно, почти проламывая грудную клетку.

Марк не стал углублять поцелуй, только обозначил эту возможность, легко скользнув языком внутрь моих губ, коснувшись моего языка и тут же разорвав касание.

– Ну как? – спросил он с видом школьника-энтомолога, изучающего бабочку-капустницу.

– Н-н-не знаю… – проговорила я. – Не поняла. Не успела ощутить.

И даже не вспомнила, что люблю целоваться.

Если сравнивать, то к Диме я не испытывала ничего, только общее смятение от ситуации. Но физически было скорее приятно.

Марк взбаламутил все мои эмоции так сильно, что я даже толком не почувствовала, что он делал.

– Повторить? – нахмурился Марк.

Локдаун

– Не надо…

Я положила ладонь Марку на грудь, отстраняя его. Касаться гладкой кожи было приятно, но ввязываться в малопонятные отношения – плохая идея.

Мне всегда было тяжело сближаться с мужчинами, я делала это долго и тщательно. Случайный секс – не для меня. Дружеский, одноразовый, без эмоций – все это не моя тема вообще.

Сам по себе секс меня не слишком интересовал.

Это скучно. Ну да, какой-никакой оргазм, обнимашки и поцелуи – это все понятно, это у меня было, и не раз.

Но мне бы хватило и одних обнимашек без этой влажной суеты, а оргазм я себе и сама могу. Быстрее и ярче.

Мужчины не умеют обниматься и целоваться просто так, они сразу возбуждаются и хотят продолжения. Мне не жалко, это приятно. Только после секса им обнимашки уже не нужны. Так у меня обычно получается слишком много секса и слишком мало просто поцелуев и просто тактильного контакта. Такое сложно выдержать с человеком, к которому нет сильных чувств.

Поэтому я сближалась с кем-то, только если очень сильно влюблялась. Но даже это стало меня в какой-то момент тяготить.

Постоянно изображать энтузиазм в постели, которого я не испытываю. Заставлять себя ложиться в эту постель ради того, кого люблю. И потихоньку начинать ненавидеть его за это.

Секс с Димой или Марком только усложнит ситуацию, а она у нас и так не слишком простая. Поэтому обойдемся совместным сном. Который мне в глубине души очень нравится. Мое тело скучает по людям, даже если моему разуму достаточно их виртуального присутствия.

– Окей, – Марк спокойно снял мою руку с груди и поднялся с дивана, помогая встать и мне. – Спать?

– Идем… – согласилась и я.

Немного напряглась, когда в кровати он прижался ко мне сзади, обнимая за спину, но руки он держал вдали от стратегических мест и больше ничего не делал, просто уснул. Постепенно расслабилась и я.

И проспала намного дольше обычного. Обычно меня будили на рассвете назойливые птицы и солнечный свет, пробивающийся сквозь деревянные ставни в спальне, но сегодня уже и птицы утомились и улетели по делам, и солнце забралось повыше, а я только открыла глаза. Привычный жест за телефоном – ах, черт! Забыла!

Зато за дверью чувствуется живое человеческое присутствие, и это так необычно, так непривычно, что я даже забыла о ежеутренней панической атаке.

Переоделась в джинсы и мягкую толстовку, натянула толстые носки и выползла на волю. Дима сидел с ноутбуком на диване и пил чай.

– Вчера вечером президент провел совещание и обратился к народу, – встретил он меня новостями. – С сегодняшнего дня на Кипре объявлено чрезвычайное положение.

Сердце подскочило к горлу и заколотилось там, возмущаясь теснотой. Дыхание перехватило, пальцы заледенели – пропущенная паническая атака вернулась с

довеском.

Я оперлась на кухонную стойку. Надо выпить таблетки. Не то время, чтобы на них забивать.

– Где мой телефон?.. – пробормотала я. – Мне надо прочитать новости.

– Сегодня в шесть вечера закрывается все, кроме банков, продуктовых магазинов и аптек, – пояснил Дима. – На кофейном столике посмотри.

– А где Марк? – я схватила телефон и полезла на новостные сайты.

– Поехал в аэропорт узнавать, что там с частными джетами. Пришло время больших денег. Завтра будет поздно. Во время локдауна мы точно не улетим.

Дима захлопнул ноутбук, потянулся как большой кот – даже с пульсом под двести я оценила, как красиво и ловко перекатываются мышцы под его загорелой кожей. Футболку он не надел, несмотря на прохладное мартовское утро.

– Что хочешь на завтрак? Я не готовил на тебя, Марк сказал, ты ночью вставала и проснешься неизвестно когда.

– Ничего, – я обогнула его, встала на цыпочки и пошарила в шкафу над вытяжкой. Вот она! Моя «тревожная» шоколадка с карамелью. Такая невыносимо сладкая, что в обычное время я бы не доела даже откушенную дольку. Но с внезапными новостями помогала справляться только она. Я даже не стала дожидаться, пока вскипит чайник – сразу откусила от целой плитки. Звук, с которым ломался под зубами шоколад, хранивший внутри сладко-сладко-сладкую карамель, тоже каким-то необъяснимым образом меня успокаивал.

В такое время радуешься любой мелочи, которая позволяет лучше переносить реальность.

– Что еще сказали? – спросила я, все-таки добравшись до чая. Он, впрочем, был слишком горячим и шоколадка угрожала кончиться раньше, чем я его попробую.

– Вся эта фигня на три недели. Будут введены разрешения на выход из дома, пока неясно, какие. Вроде бы какие-то бумажные формы и возможно смс. Не парься пока, все будет хорошо, – Дима вернулся на диван и снова открыл ноутбук.

– Ну, вы сейчас улетите, а мне здесь продолжать жить, – я открыла холодильник. Кажется, внутрь уже не поместилось бы ни листика хамона. – Хотя я могу все три недели питаться тем, что вы накупили.

– Особенно, если продолжишь завтракать шоколадками, – отозвался Дима. – Поешь нормально, там сэндвичи есть, если яичницу не хочешь.

– Я пойду лучше прогуляюсь…

В квартире мне было нервно. Казалось, что тут я что-то упускаю, что-то важное.

– Что это у тебя?

Я заглянула Диме через плечо. По экрану ноутбука бежали столбцы цифр, плясали в реальном времени какие-то графики, а он одновременно с разговором со мной еще умудрялся что-то быстро печатать.

– Биржи. Кризис – время возможностей. Видишь? – Дима показал мне на какой-то график, который упорно полз вверх. – Это я каждую минут зарабатываю приличную сумму.

– Но можешь точно так же и терять? – я пошла надевать кроссовки.

– Как говорится, случаи разные бывают… – Дима озабоченно вглядывался в экран. – Ты меня сглазила, что ли? Чего оно прет-то…

И он принялся печатать еще быстрее.

Я взяла телефон, рюкзак и выскочила на улицу.

Теплое мартовское солнце моментально согрело и даже утихомирило нервную дрожь. Еда есть, но еды много не бывает. И у меня кончились противотревожные шоколадки, остались только обычные, а месяц не собирался становиться спокойнее. Надо пополнить запасы.

В ближайшем открытом маленьком магазине было много сортов пива и чипсов, шоколадных батончиков, йогуртов, мороженого, греческих сладостей, сувенирных упаковок оливкового масла, но, конечно, не было консервов. Зачем они нормальным туристам?

Я купила несколько пачек макарон под насмешливым взглядом продавца. Хорошо вам тут, в Европе, не знать и не помнить, что бывает всякое. Вчера закрыли рестораны, сегодня все непродовольственные магазины, а завтра закроют и продуктовые. Кто сказал, что невозможно?

Мировая пандемия и отмена полетов еще месяц назад тоже казались фантастикой.

На улице телефон заиграл тему из «Семейки Аддамс».

– Привет, мам, – сказала я в трубку.

– Я прочитала в новостях, что у вас чрезвычайное положение, все врачи заболели, остров закрывается, никто больше никуда не уедет, что ты от меня скрываешь?! – даже не поздоровавшись, начала мама.

– Все нормально, мам, – я натянула привычную улыбку. Она чувствуется даже в телефонном разговоре и придает веса любому вранью о том, как все хорошо. – Тут меньше двухсот зараженных, про врачей не слышала, карантин и правда объявили, но никого пока не расстреливают и иностранцев в море не топят. А вы там как?

– Ой, о нас разве наше правительство позаботится! Туристов всех привозят и привозят, а они растаскивают заразу по всей стране! Говорят, лучше сидеть дома, а как сидеть, когда я за бабушку волнуюсь? Сказала ей купить побольше хлеба и заморозить, может быть, мы к ней поедем, если совсем худо будет!

– И привезете ей вирус? – я нахмурилась.

– Мы же не были за границей! Это все туристы безответственные, прости, дорогая, это не о тебе!

– Да, я ответственная, и осталась тут.

– Ой, маленькая, – тут же переключилась мама. – Я за тебя так волнуюсь! Как же ты там? Может быть, вернешься? Тут говорят о вывозных рейсах, ты позвони в посольство, пусть тебя тоже возьмут!

– Мам, тут море и солнце. И карантин. Всем бы такую эпидемию, не волнуйся, я лучше всех.

– Молодец… – вздохнула мама. – Завидую.

– Завидуй! – засмеялась я в трубку и отправила следом несколько фотографий лазурного моря.

– Люблю тебя, доченька! Волнуюсь очень!

– Я тебя тоже люблю!

Для моей мамы «люблю» и «волнуюсь» – синонимы.

Для меня, увы, нет, иначе я бы прямо сейчас, на пике паники, была до безумия влюблена.

В кого только? В мир?

Я стащила с лица искусственную улыбку и села на лавочку отдышаться. Сердце колотилось как бешеное, несмотря на две таблетки, выпитые с утра. Вот так же это все когда-то и началось. Просто стресс – и сердце вдруг забилось в два раза быстрее, не желая замедляться. За несколько прошедших лет стало получше, но эта пандемия свела все усилия по восстановлению на нет.

Вирус не успеет до меня добраться, быстрее сдохну от инфаркта.

В витринах магазинов вокруг белели объявления: от оптимистичных «Откроемся 13 апреля» до мрачных «Продается бизнес целиком». Я прошла два квартала и не выдержала, свернула к морю. Очень уж страшно выглядел опустевший город. Даже зимой жизни в нем было побольше – какие-то бары оставались открытыми, встречались беспечные люди со стаканчиками кофе в руках, сновали машины.

Или тогда я просто знала, что скоро все оживет? Приедут туристы, станет шумно и суетно, уже не погуляешь в одиночестве по морскому берегу. Воображать апокалипсис было куда веселее, чем жить в нем.

На берегу было еще хуже.

Вдоль дороги, идущей у моря, выстроились закрытые отели, обтянутые полосатыми красно-белыми лентами.

Один за другим – пустой, пустой, пустой.

Пустой – работники убирают шезлонги, туристы приедут не скоро.

Пустой – кошка лакает воду из бассейна, ее некому прогнать.

Пустой – заботливо высаженные цветы двенадцати оттенков выглядят непристойно яркими. Через три недели они увянут, а новые сажать будут только безнадежные оптимисты.

Телефон снова зазвонил. На экране высветилось: «Милана».

Вот теперь сердце еще и заболело.

– Привет, надеюсь, ты звонишь не для того, чтобы меня выселить. Идти мне некуда, только на пляже ночевать.

– Не говори глупости, – отмахнулась она. – Ты новости знаешь? Про карантин и локдаун? Выход из дома только с распечатанной бумажной формой или после отправки смс на короткий номер с указанием причины выхода.

– Милан, у меня нет принтера, – я прижала руку к груди. Казалось, что пульс разбегается волнами по всей коже. Или я опять дрожу?

– У меня тоже. Пошли смс.

– У меня только российская симка и туристическая. Я смогу с них написать на короткий номер?

– Не знаю, Ир, правда. Купи местную симку.

– Я не знаю, где. А если не успею? – я задохнулась, но все равно ускорила шаг, возвращаясь на улицу. Там должны быть киоски с сим-картами.

– Ну не будут же сразу тебя штрафовать…

Но голос у нее был неуверенный.

В ближайшем туристическом магазине на меня посмотрели с удивлением, но покачали головой – нет, сим-карты не продаем. В следующем были даже консервы, но сим-карт тоже не было.

Паника накатывала волнами.

Неужели мне придется сидеть три недели взаперти?

Если я сейчас не куплю сим-карту, я не смогу выйти из дома?

Или должна буду заплатить штраф?

Ноги отказывались идти, воздуха не хватало, но я все равно мчалась в порт – там в супермаркете я видела рекламу сотового оператора.

Равнодушные ленивые кошки провожали меня глазами, мяукали вслед, тщетно надеясь, что я их поглажу. Перед глазами мелькали черные мушки – я никак не могла понять, настоящие или от перенапряжения, но на всякий случай отгоняла их ладонью.

Отдел с сигаретами в супермаркете был закрыт. Там продавались сим-карты, но продавца не было на месте, а кассирши пожимали плечами и отвечали мне на греческом.

Дрожащими пальцами я достала телефон и попыталась найти ближайший сотовый салон. Может быть, их еще не успели закрыть?

Один был в паре километров отсюда, но это были два километра в горку.

Через двести метров я поняла, что забываю дышать и перед глазами темнеет уже всерьез. В горле клокочет, язык не помещается во рту и хочется высунуть его, как собака.

Еще два шага – и сердце просто разорвется.

Я стащила с плеч тяжелый рюкзак и просто села на асфальт в тени под деревом.

Сухо глотала воздух с закрытыми глазами, прижимала ладони к пылающим щекам и чувствовала как жжет соль в уголках глаз.

Не знаю, сколько я так сидела, чувствуя отчаяние, панику, непомерную усталость и боль в груди, даже не пытаясь подняться и снова куда-то идти.

Время шло, локдаун приближался, а мне было совершенно все равно, что будет дальше. Казалось, я все-таки умерла где-то между тяжелыми рваными вдохами. Кружащий голову острый страх растворялся в крови холодной солью.

В голове гудело.

В принципе я понимала, что ничего ужасного не происходит.

Пока не происходит.

Что это только моя тревога перехватила управление и довела до паники весь остальной организм.

Но вернуться в себя было невозможно. Чернота была так глубока, что я провалилась в нее с головой и все еще падала, не зная, за что уцепиться.

– Ир? Ириш? Ириска? Ты чего тут?

Я подняла голову и открыла глаза. Передо мной на корточках сидел Дима и обеспокоенно заглядывал в лицо. Он провел рукой по моему лбу и нахмурился:

– Ты холодная вся. Что случилось?

– Локдаун. У меня сим-карты нет, хотела купить… и вот… – я толкнула рюкзак, набитый консервами и макаронами. – На всякий…

– Ты чего? Ты зачем туда пошла? – Дима протянул мне руку. – Вставай давай, пойдем в машину. У тебя же есть мы.

– Не знаю…

Он подхватил мой рюкзак и закинул на заднее сиденье серебристого «Форда», стоящего у обочины с работающим двигателем. Как Дима меня вообще нашел?

– Мы бы все разрулили и все купили, что надо, ну ты чего? Только зря нервничала, – ворчал он, выруливая на пустую дорогу. Я посмотрела на время – полчаса до локдауна. – Ты запомни это как-то!

Но как?

Я привыкла быть одна. Всегда иметь тех, кому можно пожаловаться, у кого попросить помощи, но никогда этого не делать, пока еще могу справиться самостоятельно.

Беречь на крайний случай.

Зачем мне запоминать и привыкать, если они тоже сегодня улетят?

Последний ужин

Три пролета высоких ступенек дались мне нелегко. Дима посмотрел, как я цепляюсь за перила, тяжело дышу, останавливаюсь отдохнуть каждые пять шагов и, не спрашивая, подхватил меня на руки. Не успела даже возразить, что я тяжелая, как он донес до двери и, изловчившись, набрал код.

При этом даже не запыхался и мышцы толком не напряглись.

Словно ему это вообще ничего не стоило.

– Пошли руки мыть, – он вернул меня грешной земле только у самой ванной. Наглый черно-белый кот уже заглядывал в открытую с вопросительным выражением морды.

– Мя? – поинтересовался он.

Дима подхватил мой рюкзак, распаковал и вытащил несколько банок консервов.

– Ириска, у тебя какой уровень паранойи?

– А что? – я честно двадцать секунд терла пальцы, как советовали врачи и теперь задумчиво смотрела на кран, который поворачивала грязными руками. Налила на него мыла и тоже протерла.

– Мы будем дезинфицировать все, что попадается нам на глаза или обойдемся мытьем рук и социальной дистанцией?

– Обойдемся, – я рухнула на диван… и со стоном посмотрела на далекий и недостижимый стол, где лежали таблетки.

Снова сползла на пол и пошла наливать себе воды.

Дима убирал добычу в шкаф и не сразу заметив меня, чуть случайно не снес в сторону. Поймал за плечи, приобнял:

– Ир, мы только что говорили о том, что необязательно все делать самой, можно попросить.

Я проглотила таблетку и вспомнила, что надо купить еще. Когда собирала аптечку, не рассчитывала, что в день будет улетать тройная доза.

– Да мне нормально, я привыкла.

Конечно, всегда приятнее, когда выныриваешь из глубин работы, а тебя уже ждет горячий чай. Но за это приходится расплачиваться приготовлением ужина и общением, даже когда хочется немного полежать в темноте, свернувшись клубочком.

Дима пришел ко мне на диван и так же нагло, не спрашивая, пересадил к себе на колени и обнял, убаюкивая и успокаивая. Я обвила его шею и прижалась. Все понимаю – он непредсказуемый чужак и так нельзя, но сейчас человеческое тепло и немного иллюзии надежды мне были нужнее, чем правила приличия другого, прежнего мира. Наверное, они вернутся потом обратно. И когда все закончится, я никому никогда не буду рассказывать про эти дни карантина.

Но пока можно пользоваться сломавшимся миром, чтобы получать то, что мне нужнее всего, не изобретая сложных путей.

Горячая ладонь гладила меня по спине, ее тепло проникало под кожу и согревало сердце.

Конечно, я не верила ни в какую защиту и помощь. Уедут и ладно. Сама справлюсь. Надо быть какой-то совсем другой женщиной, чтобы уметь встряхнуть лапками и встать с несчастным видом, чтобы тебя спасли. Я так никогда не умела. Даже папа не носил меня на руках и не качал на коленях,

когда я была маленькая.

Сердце немного успокаивалось. Судорожно сжатый комок закаменевших мышц становился тем, чем бывал большую часть времени – трепыхающейся бабочкой. Все еще не то, чему стоит находиться в человеческой груди, но уже получше, ближе к норме.

Я наконец смогла глубоко вдохнуть.

Чуть отстранилась:

– Спасибо. Но, представь, я пошла за шоколадками и умудрилась именно их не купить.

– Я схожу куплю, когда Марк вернется, – Дима медленно пропустил мои волосы сквозь пальцы и неожиданно поцеловал меня в сухие, опаленные внутренним жаром губы.

В какой-нибудь мелодраме мы после этого уже катались бы по дивану, срывая с себя одежду и сливаясь в неистовой страсти. Но в сошедшей с ума реальности этот поцелуй так и остался безмолвным утешением, таким же невинным, как объятия сильных горячих рук.

– У тебя тоже нет кипрской симки, ты не можешь послать смс, – пожаловалась я. – А теперь без них никак, будет штраф.

– Ничего страшного, от одного штрафа не обеднею. Да и не будет тут никто зверствовать, если ты правда не имел возможности послать эту смс. Ты просто не привыкла. Южная Европа вообще очень расслабленная. Была когда-нибудь в Италии, Испании? Сроду никто ничего вовремя не делает и не парится по этому поводу. Спроси, вон, у Марка, когда вернется.

Марк вернулся через полчаса. Я все еще сидела на коленях у Димы, словно и у меня, и у него не было других дел. Случись это все в других обстоятельствах, я бы, конечно, сдалась и начала его целовать, заваливать на диван и

расплачиваться за эту близость и спокойствие универсальной женской валютой. Что я могла ему еще предложить, кроме себя самой?

Но перевернувшийся мир и дикое наше знакомство выдали мне разрешение не быть такой, как обычно. Не быть удобной или соответствовать ожиданиям.

Сам пришел, сам предложил, я не просила.

– Тридцать пять тысяч, вылет завтра, – сообщил Марк, стаскивая кроссовки.

– Ты слышал, что уже все закрывается, полный локдаун, карантин, никаких перелетов, мы все умрем? – весело поинтересовался Дима. – Ириску нашу довели своей паникой, отлавливал по всему острову.

– Эй… – я ткнула его кулаком в плечо. Перед Марком было немного стыдно за свою истерику.

– Неважно, разрешение на вылет есть, это частный борт, – Марк налил воды и жадно выпил два стакана подряд. – Ириска молодец, я видел сегодня, как взрослые мужики рыдают в голос и бросаются на окружающих.

– Видишь, ты молодец, – стиснул меня Дима.

Он отчетливо повеселел от новостей.

– Рейс в Римини? Или куда? – уточнил он.

– Пока в Афины, к сожалению. Но там большой хаб, скорее всего найдется что-нибудь и до Италии.

– Еще за тридцать пять?

– Это в рублях? – наивно спросила я.

Марк поперхнулся водой из третьего стакана и долго не мог решить, кашляет он или смеется. Димка тоже уткнулся мне в плечо и трясся.

– Ты восхитительная оптимистка, Ир…

– По-моему, отсюда даже бизнес на регулярке дороже стоит.

Я мысленно пересчитала тридцать пять тысяч евро в рубли и ахнула. Это один короткий перелет? Плохо я себе представляю, что такое большие деньги. Какие же тогда огромные?

Марк переместился в гостиную и плюхнулся в кресло. Посмотрел на нас с Димой. Мне стало неудобно, и я попыталась слезть с него, но крепкая рука удержала на месте. Марк с непроницаемым лицом пронаблюдал эту борьбу и небрежно спросил:

– Хочешь остаться, Дим? Зачем тебе в наш чумной барак? Вернешься в Россию на вывозном рейсе. Ну или просидишь тут с Ириской до конца карантина. Нехорошо девушку одну бросать.

– В России тоже скоро будет чумной барак, – заметил тот. – А я тебе могу пригодиться, чтобы отмазаться.

– Скорее наоборот… – печально отозвался Марк. – Они же знают, кто ты мне.

– Эй, так нечестно! – возмутилась я, поворачиваясь к Диме, моргающему невинными глазками. – Расскажите мне!

Ответом мне была кривая ухмылка у одного и непроницаемый взгляд у другого.

Видимо, не расскажут.

Я вздохнула и слезла с дивана. Хотелось шоколада. И уткнуться в свой ноут. Пусть хранят секреты сколько угодно. И валят отсюда оба. Я уже соскучилась по

одиночеству.

Шоколадки я убрала в шкаф над плитой. У этого был свой стратежный смысл: во-первых, приходилось вставать на цыпочки, чтобы их достать – какая-никакая физкультура, а во-вторых, доставала я их оттуда на ощупь и всегда оставался шанс, что одна-две останутся незамеченными и спасут меня в тяжелую годину.

Только пытаться допрыгнуть до шкафчика под взглядами двух пар внимательных глаз было не так весело. Взгляды сверлили спину между лопаток и чудилась в них насмешка.

– Да не мучайся ты, у меня лучше есть… – раздался вкрадчивый голос над ухом.

Марк подошел как всегда неслышно.

Невозможно же быть таким здоровенным мужиком и так незаметно передвигаться!

Он отодвинул меня в сторону и достал из недр холодильника коробку с шоколадным тортом.

– Из «Маркс и Спенсер»? – удивилась я. – Они еще работают? Это же далеко!

– Специально для тебя заехал, – пояснил он. – Это лучшее средство от тревоги, претендую на половину.

– Ты ешь шоколадные торты, когда тревожишься? – я с сомнением посмотрела на него. Человек-загадка. Дима мне был уже более-менее понятен, а вот внешне холодного и отстраненного Марка, в котором под внешностью величественного дракона скрывались секреты и страсти, я побаивалась. Его упорное стремление в Италию, его странное желание сравнивать поцелуи, теперь торт этот…

– Он всегда точно знает, что нужно женщинам, – Дима тоже подошел к нам и оперся на кухонную стойку. – Кстати, не на половину, а на треть. Я тоже буду. А на ужин у нас паста с курицей в соусе карри.

– С чего вдруг? – поднял одну бровь Марк. – Я планировал…

– Ириска добыла в бою. Охотника надо уважить.

Марк пожал плечами и достал купленные мной спагетти и консервы.

Отношения Марка и Димы были странными. Пока они готовили ужин, я притаилась в кресле с ноутбуком, но вместо чтения новостей и форумов, наблюдала, как они общаются между собой.

Дима настоял, что нам еще нужен овощной салат, Марк взялся сделать еще несколько закусок из авокадо. Он выложил на блюдо полупрозрачные листики прошутто и салями, намазал тосты паштетом… Моя «добыча» начинала казаться кашей из топора.

С другой стороны, двум взрослым мужикам еды надо гораздо больше, чем мне одной.

Они понимали друг друга с полуслова – иногда и вовсе без слов. Один начинал жест, другой заканчивал. Практически никогда они не спорили и принимали любое решение другого без оговорок и возражений. Только с дополнениями.

Иногда эти дополнения полностью меняли изначальный смысл, но и это принималось без вопросов.

При том были абсолютно равны – я не заметила, чтобы кто-то был ведущим, а кто-то ведомым.

Сколько им лет? И как они стали такими друзьями, что готовы лететь на помощь в другую страну, жертвуя самым важным для себя?

На вид около тридцати. Но когда Марк щурится, видно как глубоки морщины у глаз.

Может и старше – но их тела не выглядят как результат впахивания в спортзале, а к сорока такую форму одной естественной нагрузкой не сохранить.

Сказали, что все без криминала – и я поверила. Но, может быть, я просто слишком наивна?

– Давай шампанское откроем? – предложил Дима, когда мы устроились на террасе за столом, накрытым как на праздник. Мерцающие свечи, расставленные среди тарелок, только дополняли сходство. Шампанское было бы в тему.

– В честь чего? – Марк развалился на диване как римский патриций и в довершение сходства держал виноградную гроздь над головой, общипывая с нее ягоды губами.

– Твоего полета.

«Твоего».

Марк все понял по этой оговорке и метнул только один единственный огненный взгляд на друга. Откинул голову, усмехнулся:

– А, ну откроете без меня.

– Все-таки остаешься? – а вот мне нужны были слова.

Зачем? Не хочет в «чумной барак»? Хочет домой, в Россию? Или собирается и вправду меня тут защищать?

– Ну, он прав, – Дима все-таки сходил за бутылкой «Асти» и теперь выкручивал тугую пробку. – В Италии я только помешаю. Если ему удастся притвориться, что он сидел тихо и не высовывался, все будет хорошо. Сложно будет объяснить, откуда тогда взялся я при закрытых границах.

– Что ж, решено, – таким мурлычущим тоном не говорят твердое «решено», но Марку удалось совместить. – Поеду с утра. Машину оставить?

– Тут автобус ходит до аэропорта, – влезла я. И тут же мысленно стукнула себя по губам – человек платит за билет до Афин половину стоимости моей квартиры в Москве и едет в аэропорт на автобусе?

Они промолчали. Или уже что-то решили, а я не уловила.

Слова им для другого.

– Спасибо за помощь, друг, – хрипло сказал Дима.

– Теперь ты мне должен, – холодно напомнил Марк.

– Запомню.

Я вертела головой, пытаясь уловить в их беседе все скрытые смыслы, пролетавшие мимо меня со скоростью пули. Не время и не место лезть в чужие разборки, но не помню, когда я последний раз делала разумные вещи.

– Так в чем у вас было дело? Неужели я так и умру от любопытства во цвете лет? – спросила я жалобно, изо всех сил изображая безобидного зверька, которому можно поведать страшный секрет, потому что он все равно умрет вместе со мной. И довольно скоро, если мир продолжит рушиться с той же скоростью, с какой он делает это сейчас.

Впрочем, на самом деле я не ждала ответа.

Мы чужие друг другу люди, случайно собравшиеся на необитаемом острове. Ненадолго.

Тут уместнее сочинять сказки, пикантные истории для «Декамерона», а не раскрывать секреты настоящей жизни.

Но Дима переглядывается с Марком и говорит то, чего я не ожидаю:

– Тебе можно доверять?

Влекущая тьма

Можно ли мне доверять?

Не знаю. Мне в любом случае некому рассказать. Не маме же?

У меня десятки чатов и и сотни друзей в сети, но никому я еще не сказала, что уже два дня как живу не одна. Слишком странно это случилось. К тому же я знаю, как они отреагируют: сумасшедшая, беги оттуда, звони в полицию, не возвращайся!

Кроме Али. Аля скорее всего уточнит, почему я до сих пор не убежала и, если я попытаюсь объяснить про покой, который укрывает меня по ночам, когда от всех чудовищ под кроватью и сереньких волчков меня охраняют с двух сторон – благословит на все, чего мне хочется.

Лишь бы счастлива была.

Временами я сама считала ее блаженненькой, но вот сейчас, когда больше никто не поймет, что разумные доводы разбиваются о то, что вторую ночь рядом с Марком и Димой я сплю так крепко, как никогда до этого, я вдруг понимаю, что иногда нужны друзья, которые тебя поддержат всегда, что бы ты ни выдумала.

– Наверное можно…

Марк издает странный звук, похожий на фырканье большого дракона.

Дима смотрит на него с осуждением, но тот уже подхватывает наши пустые тарелки и уходит на кухню, игнорируя этот взгляд. Возвращается обратно с шоколадным тортом на большом стеклянном блюде. Он уже заботливо нарезан на кусочки, и каждый кусочек обернут в узорчатую бумажную салфетку – ах, эти англичане, они знают толк в чаепитиях.

Следующей появляется миска с огромной, с половину кулака размером, клубникой. И две бутылки шампанского.

– Фермеры выращивали ягоды к туристическому сезону, а теперь туристов нет и не будет, – прокомментировал Марк, передавая Диме одну бутылку, а вторую оставляя себе. – Десять евро за ящик – я не смог устоять.

«Туристов нет и не будет» тоже звучит как цитата из «Марсианских хроник».

Мы застряли на маленьком острове посреди Средиземного моря. Солнечном, ярком, теплом, заселенном кошками. Там, на большой земле, люди будут заражаться и умирать, бродить по разрушенным городам в поисках пропитания, восстанавливать экономику из руин, расплачиваясь бутылочными пробками. А мы будем есть клубнику по десять евро и ждать туристов, которые никогда не прилетят, потому что самолеты давно проржавели в своих ангарах.

– Я сейчас умру от любопытства и вам долго придется доказывать полиции, что вы не имеете к этому отношения! – возмутилась я той неспешности, с которой они оба открывали бутылки и наливали шампанское в мой бокал. Вдвоем. Вместе.

А потом каждый себе.

Я сдержалась и не стала это комментировать только потому, что боялась так и не услышать историю их появления на Кипре.

– Ты только не пугайся… – сказал Дима.

У него, похоже, включился режим защитника.

Но после этих слов я как раз испугалась.

– В общем, так вышло, что меня разыскивает Интерпол.

Я беззвучно ахнула, в первое мгновение мысленно промчавшись по всем вариантам от «Да ты гонишь!» до «Я попала!»

Марк снова фыркнул:

– Ну ты молодец. Не стал ходить вокруг да около.

Он переложил кусок шоколадного торта на блюдце и поставил передо мной.

– Я не буду… – покачала головой.

Только отпила глоток из бокала, чтобы смочить враз пересохшее горло.

Дима вздохнул, откидывая ладонью челку с лица.

– Интерпол разыскивает не только международных террористов и шпионов, чтоб ты знала. Это всего лишь международная полиция. Если совершишь преступление в одной стране и скроешься в другой – попадешь к ним в сводки. Вот и все.

– Но, допустим, превысить скорость, конечно, недостаточно, – ухмыльнулся Марк.

Он подлил мне шампанского и снова скрылся на кухне, что-то разыскивая в холодильнике.

– Какого-нибудь мяса мне принеси! – крикнул ему Дима. – Ненавижу закусывать шампунь сладким.

– Так что ты натворил? – поторопила я его.

Еще не решила, верить или нет. Нужны были подробности.

– На самом деле ничего, – он развел руками. – Вот тут самый скользкий момент…

– Умеешь ты затягивать истории, Шахерезада Степановна, – съязвил Марк, появляясь из-за его спины с тарелкой прошутто и баллончиком взбитых сливок. – У нас с Димкой, – обратился он уже ко мне. – Была очень бурная юность. Мы шлялись по всему миру и влипали в разные интересные истории.

– Хорошие были времена, – согласился тот, отправляя в рот полупрозрачный ломтик мяса и довольно жмурясь. – Но все кончилось, когда он женился, а я вступил в Иностранный Легион.

– Господи боже мой… – я махнула бокал, не глядя, и закашлялась, когда пузырьки ударили в нос. – Ну нельзя же так нагло врать!

– Тебе кольцо показать или татуировку? – чуть обиженным тоном спросил Дима, глядя как я давлюсь шампанским.

– Никто ведь без брака кольца не носит и без Легиона татуировки не делает, угу. Ладно, ври дальше! – я махнула рукой.

Мне было весело и легко – так всегда действует шампанское.

Сносит лишние преграды, которые кажутся неодолимыми в трезвом виде. Даже жаль, что мне нельзя много пить из-за сердца, иначе я бы быстро спилась, радостно избавившись от тревог и волнений.

– Но пока мы не совершили эту двойную глупость, мы успели покутить… – Дима таки продолжил. – И вот однажды в Англии… – так начинается множество сказок, даже если они начинаются со слов «В земле была нора», – …По настоятельной просьбе российского посольства мы помогли одному человеку вовремя добраться до самолета. Ничего особенного, просто подвезли с ветерком.

– Оказалось, это был шпион, – Марк очистил несколько ягод от хвостиков и покрыл их сверху взбитыми сливками. Мне мгновенно захотелось так же, так что пока он отвлекся, я утащила одну. Пахла клубника, конечно, одуряюще. В Москве в марте можно добыть только пластиковую имитацию.

– Родина любит пошутить, – вздохнул Дима.

– Родина… да. Британская контрразведка на нас почему-то за это обиделась и попыталась завербовать. Но на это мы пойти не могли.

– Нам было двадцать… пять? Кажется. В общем, мы еще не были готовы выбирать сторону и остепеняться.

Дима отсалютовал Марку бокалом, тот ответил тем же.

Значит ли это, что сейчас, после Иностранного Легиона и женитьбы они все-таки остепенились и согласились быть шпионами?

– Нас попросили оказать маленькую услугу и Британии. Взамен о нашей роли в том деле забудут. Надо было просто побыть подставными утками в деле о мошенничестве.

Марк нарезал несколько ягод клубники ломтиками, накрыл их облачком сливок и в тот момент, когда я собралась утащить один – протянул мне всю тарелку.

– Могла бы просто попросить, – с упреком сказал он. – В общем, все это происходило в Швейцарии и закончилось быстрее, чем мы надеялись. Все-таки было весело. Но наши имена и лица попали в какую-то их внутреннюю базу. Дальше это не пошло, Британия свои обязательства выполнила.

– А я обложил их посла в Швейцарии матом! – довольно заявил Дима.

– Наверняка поэтому нас и не пустили через границу, – заметил Марк.

– Ну конечно! Будут они во время пандемии каждому пограничнику мою морду показывать. Это мелочно и глупо!

– Кто знает… Швейцарцы же показали. И замели тебя, – Марк повернулся в мою сторону. Шампанское в его бокале опять кончилось и он вновь его наполнил, заодно подлив и мне. Он стал говорить чуть быстрее и громче обычного – или мне это казалось, потому что я тоже захмелела? – Я оказался последним живым свидетелем всей этой хероты, кроме нашего куратора в британской разведке. Но он за прошедшие годы забрался там на самый верх и точно бы не полетел вызволять Димку в условиях эпидемии.

– Прости, я реально пытался справиться сам, – повинился Дима.

Он пил меньше, но его острый темный взгляд все чаще соскальзывал на меня.

И смотрел он… странно.

– Верю. В общем, полетел я, привез им нужные документы, Димку выпустили, но проблемы начались уже у меня.

– Икота, икота, перейди на Федота…– Дима подвинул к себе блюдо с тортом и отломил вилкой кусок прямо там же. – Ир, ешь тортик.

– А дальше?.. – возмутилась я.

– Ешь тортик, Ириска… – Марк взял мою вилку, отломил кусочек на моей тарелке и поднес к моим губам. – Смотри. Он самый шоколадный в мире. Поверь мне, я пробовал много шоколадных тортов, но этот – один из лучших. Темный, сладкий, с нотками горечи – на вкус как грех.

Его голос вибрировал, как будто где-то глубоко в груди он урчал как кот. Или это клокотало пламя в глотке дракона?

– Ты когда-нибудь грешила? – кусочек темного бисквита, прослоенный шоколадным кремом, оказался прямо у моих губ, а раскатывающийся вибрацией голос – над самым ухом. – Так, словно отдаешься Князю Тьмы и продаешь душу за ночь с ним? Если да, то тебе понравится этот торт.

Марк искушал меня – не думаю, что когда-нибудь обычный торт из «Маркс и Спенсер» рекламировали так эротично. Но он походил больше на золотого дракона, чем на Князя Тьмы – вон, даже в глазах вспыхивает алое пламя.

А вот Дима, который не сводил сейчас с меня взгляда…

Я просто приоткрыла губы и слизнула с вилки пропитанный кремом бисквит, а темные глаза под черной челкой вспыхнули, словно я и вправду подписала контракт кровью. Он медленно отпил из бокала и тоже склонился к моему креслу:

– А у меня возьмешь?..

И прежде чем я успела задохнуться от ошеломляющей наглости его слов, в мои губы ткнулась клубника. Я откусила сочную мякоть, и Дима тут же отнял ее и доел сам.

– Отлично сочетается с шоколадом, правда? Одно без другого было бы уже не то…

Я-то думала – только я замечаю двусмысленность символов. Но сейчас, когда они вновь наполнили мой бокал – одновременно, из двух бутылок, стало понятно, что эту игру веду совсем не я…

– Значит, не расскажешь, что там в Италии? – я решительно отставила шампанское, хотя было уже поздно – голова кружилась, кожа горела, тело растягивалось и расслаблялось. Словно кто-то снимал один за другим железные обручи, которые стягивали меня с самого начала моего одиночества здесь.

Или даже раньше. С самого начала моего одиночества вообще.

– Нет… – покачал головой Марк. – Но могу взамен рассказать о себе что угодно другое. Пользуйся случаем.

– Если бы я знала тебя дольше двух дней, мне бы было, что спросить, – рассмеялась я. – А так…

– И у меня тоже нечего? – Дима протянул ко мне руку.

Я смотрела на его пальцы чуть заторможено, но с опаской.

Что придет ему в голову?

Я была готова к любому варианту.

Тем более, что искрящие между нами электрические дуги взглядов только по случайности оставались пока невидимыми.

Но он всего лишь подхватил мой бокал, в котором опять почему-то было пусто. И наполнил шампанским.

– Тоже, – виновато кивнула я. – Ну серьезно, можно подумать, вы бы нашли, что такого спросить у меня.

Они обменялись взглядами поверх моей головы.

Дима лениво откинулся на спинку стула.

Марк наоборот – склонился ближе ко мне.

– Мы бы нашли… – вибрация в его голосе пробирала меня до костей.

– Ну, например? – не сдержала я любопытства, хотя чувствовала, что вступаю на опасную территорию.

Шампанское придавало смелости, а прошедшие две ночи – уверенности, что без моего согласия ничего не случится.

– Кто из нас тебе больше нравится? – Дима был вальяжен и расслаблен, но чуть поторопился с вопросом, не дав Марку закончить игру в кошки-мышки, как тот задумал.

Это я тоже отчетливо видела, несмотря на пузырьки шампанского, щекочущие изнутри голову.

Но вопрос внезапно стал занимать и меня. Кто мне больше нравится?

Дима – крепкий, мускулистый, загорелый? С широкой грудью и узкими бедрами, сильными руками, цепким взглядом темных глаз и черными волосами, падающими на лицо.

Марк – стройный, гибкий и ловкий как танцор? Скорее сухощавый, но из-за этого рисунок мышц на его теле только явнее и ярче. Со светлыми глазами орехового цвета, на солнце приобретающими янтарную желтизну и прозрачность.

– Кого бы ты выбрала?.. – мурлычет Марк, уточняя и усложняя мне задачу.

Дима – словно южный ветер с хриплым голосом. Знает, что хочет; тащит, зовет, ведет туда, не спрашивая – потому что так будет лучше для тебя же.

Марк – хитрый и мудрый дракон, шепчущий на ухо сказки. Ни слова в простоте – но ты сама идешь в нужном направлении.

Было бы легче, будь один из них тьмой, а другой светом.

Но они оба тьма. Влекущая грешная тьма.

И выбор сделать – невозможно.

Мальчишки всегда мальчишки

Только ни Дима, ни Марк не хотят, чтобы я делала выбор.

Они явно и недвусмысленно разводят меня на секс, причем с ними обоими.

Сверкает драконьими золотыми глазами Марк, распускает метафизический павлиний хвост Дима, переглядываются, подмигивают, подливают.

А я что?

Отличные парни, качественные – мечта. Уверена, что они будут умелыми и нежными.

Но вот в чем проблема…

Десять лет назад я бы согласилась, только взглянув на них. Как можно не отдаться таким красавчикам? Женская гордость загрызет. Собрать в свою коллекцию эти загорелые дочерна плечи и прямую челку, падающую на глаза. Эти жилистые руки с длинными пальцами и сухой твердый живот, аккуратно расчерченный на квадраты будто в комиксах.

Тьма и золото, порыв и скольжение, хрипотца и мурлыканье.

Как можно отказаться?

Пять лет назад я бы согласилась попробовать новую сексуальную практику. Поучаствовать в тройничке ЖМЖ – не проблема. Мальчики о таком только и мечтают. Попасть в руки двух одинаково прекрасных и явно опытных мужчин, проверить – может быть, хотя бы это меня зажжет?

Потому что я уже начинала догадываться, что со мной что-то не так. Все еще изображала дикую страсть в постели, но уже призналась хотя бы самой себе, что вместо двадцати поз камасутры чаще всего с удовольствием пообнималась бы и посмотрела сериал.

Все еще гонялась за оргазмом и вешала орден «пять раз за час» себе на грудь, но уже предпочитала быстро справиться своими пальцами, чем затевать долгую возню с сексом.

Так что – поставить галочку. Чисто заполнить листик достижений. Ну не упускать же такой случай?

Сейчас мне уже было все равно, насколько они красивы – любоваться я могу и без секса. И больше не страдала от попыток попробовать все на свете. Вряд ли какая-нибудь особая анальная пробка подарит мне оргазм такой фееричности, что я пересмотрю всю свою жизнь с начала.

Так что ждет меня несколько часов неловкого действа – возможно неплохого по ощущениям в целом, но весь смак же в том, чтобы быть во мне одновременно? А я даже позу 69 не люблю, потому что отвлекаюсь. Так что либо вагинальный секс, либо минет, одновременно будет не в кайф ни то, ни другое. Анальный

вообще мимо. Мало того, что он требует долгой подготовки и терпения, что в условиях оргии как-то ломает темп, так еще и больно. Сколько ни пробовала – все больно. И никаких особенных ощущений, которые стоили бы того, чтобы терпеть.

Короче, хорошего в сухом остатке – оргазмы, полученные от чужих рук и моральное удовлетворение.

Плохого… больше. Намного больше. Не считая физических ощущений – выяснение отношений после этого всего. Нарушенный баланс.

А презервативы? А болезни?

Эти веселые ребята хрен знает что еще могут таскать кроме коронавируса.

Марк улетит, но останется Дима – с ним продолжать спать? А зачем?

Если за защиту и помощь, то это дороговато, я и сама справлялась. Худо-бедно, местами совсем бедно, но не планировала платить за это.

Я отпила шампанское из бокала и ехидно улыбнулась обоим сразу:

– Нет, я в эти игры не играю. Кого бы я ни назвала, другой обязательно обидится.

Обеспокоенные взгляды полетели в обе стороны – ага, что-то пошло не так. Вместо того, чтобы согласиться, что оба хороши и попасть в ловушку, я вдруг решила повыпендриваться.

– Ир, а ты точно учла, как я хорошо готовлю? – озабоченно спросил Дима. – Нет, я не агитирую… хотя агитирую. Было бы несправедливо, если бы ты это не учла.

– Зато у меня лучше вкус. Я умею находить выдающиеся сочетания продуктов, – вкрадчиво прошелестел голос Марка мне на ухо. – Ты ведь оценила торт?

– Завтра приготовлю томленую баранину! – выступил Дима.

– А если я скажу, какие травы туда добавить, чтобы можно было сойти с ума и продать почку за еще одну порцию, то кому засчитается победа? – прищурил Марк глаза.

– Нам обоим? – Дима кинул на меня хитрый взгляд, но я едва заметно покачала головой.

Не убедил.

Грубо играешь.

– Тогда я… хорошо умею договариваться с людьми! – он не сдавался. – Как закончится карантин, поедем с тобой по острову, я проведу тебя на апельсиновые фермы, уговорю пустить во все самые интересные местечки в монастырях, искупаемся в море у военной базы, там чище всего, потому что чужие не ходят.

– Неизвестно, когда он закончится, – я пожала плечами. – Может быть, придется вернуться домой и еще пару лет никуда не получится полететь. Будет грустно.

– Зато я гораздо больше знаю об истории и мифологии острова. Где растет самая большая смоковница, где на самом деле вышла из пены морской Афродита, секретные убежища киприотов во время британской оккупации, тайные православные храмы, где прятались от турок. А уж на турецкой стороны сколько интересного… Я расскажу тебе так, что ты ощутила, что сама там побывала… – сладкие сказки Марка медовой смолой лились в уши. Пожалуй, он бы смог.

– Получится, ты все расскажешь, и мне будет неинтересно самой на них взглянуть? Да и не пустят. Так и буду мечтать.

Он вздохнул.

Длинные пальцы погладили мое предплечье длинным, очень волнующим движением, но тут же исчезли, как и не было, стоило мне перевести на них взгляд.

– А у меня в Москве черная Audi R8… – предпринял еще попытку Дима.

– У меня в Италии яхта, но мы ведь не считаем тысячи настоящих петухов, которые у нас есть на чердаке, – обломал его Марк.

– Я умею петь! – не сдавался тот. – Водить вертолет, маленькие самолеты, автобусы и танки. Стреляю из автоматического оружия, включая арбалеты, черный пояс по карате, чуть похуже с крав-магой и самбо, танцую все латиноамериканские танцы, умею обыгрывать казино в рулетку и людей в покер – ни разу не ловили, задерживаю дыхание на восемь минут и моя гильдия в «Варкрафте» на первом месте русских серверов!

Я отпила еще шампанского и перевела взгляд на Марка. Подперла рукой подбородок и сделала приглашающий жест – мол, чем ты меня удивишь, добрый молодец?

Добрый молодец сидел с загадочной улыбкой, пока Дима перечислял свои умения и кивал с каждым новым, а сейчас откинулся на спинку кресла, тоже отпил из своего бокала и позволил себе еще более широкую улыбку.

– Еще хлеб умею печь, – зачем-то добавил Дима.

Марк беззвучно заржал, чуть не поперхнувшись шампанским.

Я продолжала смотреть на него, ожидая ответного выступления.

Оно не замедлило последовать.

– Понимаешь, друг мой… – Марк со вкусом отхлебнул шампанского, слизнул каплю шоколада с пальца и стрельнул в меня хитрым взглядом. – Все это великолепные умения, которыми я тоже мог с тобой помериться, и мы этим непременно займемся. Но совершенно непонятно, к чему они в тот момент, когда дама выбирает, кто будет согревать ее постель этой ночью… Ты собираешься взять туда арбалет или колоду карт?..

Он вскинул брови в наигранном удивлении.

– Э-э-э-э! – запротестовала я. – Что значит – дама выбирает? Я никого не выбираю!

Что-то мне забыли сказать об изменениях в правилах!

Дима мрачно и молча выпил.

Он хорошо знал своего друга.

– Так вот… – Марк снова склонился ко мне, поймал мою руку раньше, чем я успела ее отдернуть и сжал запястье. Раскрыл мою ладонь аккуратными нежными пальцами, накрыл ее своей рукой, а потом медленно, чувственно погладил. Просто погладил. – Я думаю, ты рассматривала нас не как напарников для какой-нибудь авантюры вроде ограбления банка или похищения саудовской принцессы, правда?

– Скажи еще, что вы это уже делали, – хмыкнула я. Но сердце запнулось, когда большой палец Марка прочертил каждую линию на моей ладони.

Он только мягко улыбнулся, склоняясь к моей руке, но не переставая смотреть мне в глаза. Его губы дотронулись до середины ладони, словно подбирая с нее россыпь ягод, язык быстро коснулся кожи, разослав мириады колючих мурашек по моим нервам – и потом Марк выпрямился и сжал мой кулак, словно пряча в него свой поцелуй.

– Думаю, чтобы заслужить место в твоей постели, нужно хвастаться совсем другими умениями, правда, Ириска? – он склонил голову, и в глазах сверкнули золотые искры. Моя ладонь прятала ожог от его губ, но пальцы продолжали едва заметно поглаживать уже сжатый кулак – и даже привычная к куда более интенсивному воздействию моя кожа вдруг стала очень чувствительной и ловила самые мелкие отличия в силе нажима и длине касаний.

Я хотела что-то сказать, но пересохшее горло выдало только хрип. Закашлялась и забыла, о чем думала.

Степень опасности Марка по моей внутренней шкале тут же взлетела на сотню пунктов и обогнала Диму с его насильными поцелуями и угрозами. Этот человек

делает хуже – он умеет вызывать эмоции. Похожие на влюбленность настолько сильно, что не будь сейчас это игрой, к которой я была готова, могла и попасться.

– Так! – рявкнул Дима, вставая и стягивая футболку.

Он отбросил ее в сторону, плашмя упал прямо на плитку террасы, приземлившись на руки и сделав несколько быстрых отжиманий, а потом еще планку.

Выпрямился и повернулся ко мне, напрягая руки и пресс.

На загорелых руках заиграли мгновенно прорисовавшиеся мускулы, расчертили мышцы как на самых соблазнительных картинках с австралийскими пожарными, на животе обозначились четкие границы кубиков, витые шнуры паховых мышц соблазнительно потянулись под пояс джинсов, а на груди аж подпрыгнул жетон на цепочке.

Дима сделал шаг ко мне и предложил:

– Потрогай. Что хочешь.

Качков у меня еще не было. Очень хотелось вон те, которые под джинсы, но он бы все неправильно понял, поэтому я обвела пальцами идеальный пресс, твердый как камень.

– Ну что? – он подмигнул Марку. – Сдаешься? Надо было в качалку ходить, а не на генетику надеяться.

– Генетика меня еще не подводила… – мягко сказал Марк, тоже стаскивая футболку с куда менее впечатляющей груди. Его мышцы так не играли, они были длиннее и суше, как у марафонцев.

Он оперся на перила, демонстрируя эти самые сухие мышцы, идеально рисующие талию и расходящийся силуэт спины, а потом вдруг ловко кувырнулся, закидывая ноги вверх – и сделал стойку на руках!

На перилах террасы!

Псих!

Тут второй этаж – и это все равно высоко!

Марк хмыкнул, оценив то, что я вскочила, чуть не опрокинув стол, и что-то каркнула сквозь перехваченное горло – и убрал руку, оставшись стоять только на одной.

Вот тут-то все его не такие уж красивые в состоянии покоя мышцы и проявились, нарисовались как миленькие, делая худощавую фигуру гибкой и изящной.

– Ну что, Ириска? – спросил Марк спокойным голосом, словно не балансировал на одной руке на высоте в несколько метров, а продолжал сидеть в кресле и пить шампанское. – Кто победил?

Слишком раннее утро

Я полюбовалась тем, как подрагивают мышцы на жилистых руках Марка. Перевела взгляд на Диму. Допила шампанское…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/haan_ashira/lyubov-v-epohu-koronavirusa-ili-iriska-na-dvoih

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить